

18+

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ

ЯНА МАЙСКАЯ

Яна Майская

Амбивалентность

«Издательские решения»

Майская Я.

Амбивалентность / Я. Майская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-565926-2

Я привыкла полностью держать свою жизнь под контролем. Хорошие отношения с семьей, уважение однокурсников, прекрасные оценки — все это принималось мной за должное. Однако то, к чему я так привыкла, может легко исчезнуть с появлением на нашем курсе одного человека. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-565926-2

© Майская Я.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	38
Глава 10	41
Глава 11	44
Глава 12	48
Глава 13	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Амбивалентность

Яна Майская

© Яна Майская, 2023

ISBN 978-5-0056-5926-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Первый учебный день четвертого курса юридического факультета обещал быть вполне сносным. В первые пару недель сокурсники еще не успевают надоесть друг другу, преподаватели не так измываются над нами своими громадными домашними заданиями, и никто пока даже близко не собирается подпускать к себе мысль о курсовых или, как в этом году, дипломах. Главное – сегодня не будут ничего спрашивать, а значит, привычное чувство нервного страха, обычно возникающее перед каждым семинаром, до поры, до времени находится в спячке. Даже лекция у Карпова, нашего преподавателя по гражданскому праву, не пугала. Кроме того, во всей университетской бочке дегтя была и своя ложка меда – моя лучшая подруга Катя.

Мы подружились не сразу. Первые полгода первого курса мы не обращали друг на друга внимания, Катя общалась в основном с мужской половиной потока, а я, будучи старостой, дружила одновременно со всеми и при этом ни с кем. Все началось, когда нас поставили в пару для работы над каким-то докладом. Неожиданно оказалось, что мы, что называется, с Катькой на одной волне и, хотя во многом мы были непохожи, нам было невероятно легко общаться, между нами никогда не возникало неловких пауз, и нам никогда не было скучно. Конечно, мы иногда ссорились по мелочам и даже порой раздражали друг друга (что-то, а взрывной характер был присущ нам обеим), но всегда знали, что помиримся. Может, мы дружим не так уж давно, но ближе нее подруг у меня не было. Сейчас Катя шла рядом, разражаясь тирадой обо всех ужасах, через которые ей пришлось пройти, чтобы купить туфли, которые красовались на ней:

– Я ждала, пока мне принесут их со склада полчаса! И что ты думаешь? Этот консультант притащил 39-й размер! Мне пришлось ждать ещё столько же!

– Даже не знаю, как ты пережила такой стресс! – Поиронизировала я.

– А вот мне не смешно было, я, может, опаздывала!

Подруга, хмыкнув, театральным жестом поправила свои длинные темные волосы.

– И куда это ты опаздывала? Спешила к новой серии «Гадалки»? А, нет, извини, ты же по «Слепой» фанатеешь, – смеялась я.

Катя ещё пыталась пару секунд сохранять чуть обиженное выражение лица, но быстро сдалась и, засмеявшись, стукнула меня в плечо.

Тем временем, мы подходили к аудитории, где должна проходить пара с Карповым. Вид давно знакомых коридоров и болтающих у двери однокурсников навевал ощущение, будто каникул и не было вовсе. Безмятежное настроение улетучивалось, вытесняемое осознанием того, что скоро снова придется забыть о существовании нормальной жизни и опять не спать ночами, зубрить и писать бесконечные работы. Почувствовав примерно то же самое, Катя печально произнесла:

– Хоть бы что-то изменилось в этой шараге... Никакого разнообразия, просто еще один год, который в точности повторит все предыдущие.

– Кстати, о разнообразии, Шуматова позавчера звонила, – вспомнила я разговор с куратором нашего потока, – говорит, у нас новенький будет.

– Да ладно? – Оживилась подруга. – Ну как ты могла мне не рассказать? Как думаешь, симпатичный?

– Сейчас узнаем, – заговорщически шепнула я, приближаясь к шумной толпе однокурсников, на удивление дружно собравшихся вокруг кого-то.

Чем ближе мы подходили к остальным, тем отчетливее слышался снисходительный мужской голос, не без веселья о чем-то повествующий, и многочисленные смешки и вопросы, сопровождающие его историю. Однозначно, новенький был центром всеобщего внимания и, похоже, сейчас упивался своей минутой славы, развлекавая собравшихся. Мне показалось, или

из толпы идет дым? Катя изо всех сил вертела головой и вставала на цыпочки, чтобы рассмотреть новичка, но такое скопление людей делало это маловозможным.

– О, а это Лера, наша староста! – Скрипучим голосом объявил Игорь, и толчея чуть рассосалась, пропуская меня вперед.

Я испытала короткую вспышку раздражения на Игоря, худощавого одnogруппника с бардаком на голове. Уже весь поток знал, что Игорь ко мне неровно дышит. Он подсовывал мне переписанные на обрывки бумаги стишки о любви и страданиях, вызываемых ею, подсказывал каждый раз, когда я выходила отвечать, даже если я и сама была прекрасно готова, а его подсказки лишь снижали мне оценку, нагонял в коридорах, использовал любую чепуху, как предлог, чтобы поговорить, а один раз решил вопреки моему желанию проводить меня до дома: он ехал вместе со мной до моей станции, потом шёл пешком, вёл какой-то нелепый разговор о сортах чая, и пока я напрямую не объяснила ему свое отношение к происходящему, не отставал. Мама увидела нас в окно и еще долго говорила, что я слишком жестока с бедным парнем и, возможно, он очень интересный молодой человек, стоит лишь узнать его лучше. Нет, поначалу я правда пыталась быть с ним помягче, но Игорь считал, что любая девушка, если её добиваться очень долго и очень усердно, в конце концов, сдастся, и неотступно следовал своей стратегии.

Мысли об Игоре, впрочем, быстро улетучились, ведь мне наконец удалось рассмотреть новенького. Высокий, с темными, почти черными, завивающимися короткими волосами, упрямыми скулами и очень светлыми серыми, почти что серебряными, изучающими глазами. Эти глаза и чувственные губы добавляли в его внешность что-то такое, благодаря чему ее с легкостью можно было бы назвать ангельской, однако пронизывающий, какой-то острый, его взгляд ясно говорил о том, что в этом омуте определенно водится целое множество чертей. В отличие от других ребят, на которых красовались светлые отглаженные рубашки и темные брюки, этот был одет в джинсы и кожанку. Губы незнакомца расплылись в небрежной улыбке.

– Староста? – Задумчиво переспросил он, оценивая меня с головы до ног. – Хороший выбор, люблю блондинок.

Только теперь я заметила, что дым мне вовсе не почудился – в руках парень держал сигарету! Он поднес ее к губам, затянулся и выпустил едкий дым сквозь зубы.

– Ты случайно местом не ошибся? – С вызовом спросила я, недоумеваю, как у него хватило наглости закурить прямо внутри универа.

И неужели никто, кроме меня, не сделал ему замечание?! Голоса вокруг нас стихли, сменившись заинтересованными шепотками.

– Нет, а что? – Невозмутимо сказал новенький.

– Что-то мне подсказывает, что здесь нельзя курить.

– Что-то подсказывает? То есть, ты не уверена?

С самого первого курса я стараюсь поддерживать более или менее дружеские отношения со всеми сокурсниками, даже с самыми заядлыми двоечниками и раздолбаями. Благодаря этому, когда мне приходится собирать деньги, делать объявления для потока или организовывать его деятельность, никто не доставляет мне хлопот. Затевать конфликт не хотелось и сейчас, но и быть слишком мягкой тоже нельзя. Поэтому я постаралась не кипятиться и говорить спокойным голосом:

– Нет, знаешь, я абсолютно уверена, что здесь нельзя курить.

– Да не может быть. Мне кажется, ты все же ошибаешься, – продолжал придуриваться парень, – если бы ты еще назвала, какая статья закона говорит об этом, я бы может и поверил, но...

Понятно. На этот год мы обзавелись местным клоуном. Мне было бы все равно, он мог стать хоть каким-то развлечением на нашем чопорном факультете, но мне совсем не нравилась мысль о том, что он может доставить хлопот лично мне.

– Федеральный закон «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака», статья 12, – отчеканила я.

Спасибо прошлогоднему зачету, я отлично помнила этот закон. Парень какое-то время не отрывал от меня взгляда, как будто ожидая, что я первая опущу глаза.

– Хм, какая скукота. И что, оштрафуешь меня?

Спокойствие, только спокойствие! Он только и добивается того, чтобы выбесить меня, но я не поддаюсь. К счастью, в нашу сторону своей тяжелой походкой шел Карпов, старенький седой преподаватель, с которым у нас должна вот-вот начаться пара. Увидев новенького с сигаретой в руке, он грозно взглянул на того и, сохраняя лицо, отругал на чем свет стоит.

– Это травяная сигарета, врач выписывает, – спокойно соврал парень, пожав плечами.

Включил режим ангелочка...

– На улице после пары хоть укурите там все! – Прикрикнул Карпов. – Еще не хватало, чтобы сигнализация пожарная включилась.

Бормоча что-то про дурней и молодое поколение, преподаватель открыл дверь в аудиторию, запуская нас внутрь, и даже не посмотрел, достигло ли его ворчание желаемого результата. Кажется, кроме гражданского права его в жизни мало что интересовало.

Однокурсники стали заходить внутрь, по-прежнему окружая новенького. Он уже успел забыть о моем существовании и болтал с идущими впереди девчонками. Сигарету он самым наглым образом вручил Игорю, который, судя по его виду, сам не понял, как она оказалась у него в руках и что теперь с ней делать. Мы с Катей замерли у дверей, удивленно наблюдая за происходящим.

– А он все-таки симпатичный, – нарушила молчание подруга, глядя ему вслед.

– Ты что, серьезно?! – Возмутилась я.

– Вот только не говори, что он не показался тебе симпатичным, не поверю!

– Я не... Причем тут это?! Ты вообще слышала его?

Такое ощущение, что на последние пять минут Катке заткнули уши ватой, и кроме красивых глаз она ничего не увидела в этом типе.

– Постарайся с ним не ссориться, а? – Не в тему сказала она и тоже зашла в аудиторию.

Я осталась одна со своим негодованием.

Глава 2

Лекции Карпова – один из самых коротких путей в объятия Морфея, поэтому мы с Катей заняли места как можно ближе к концу аудитории. Я достала список потока и стала отмечать присутствующих. Конечно, одно имя здесь пока еще не было вписано. Я оглянулась, чтобы заметить, что его носитель сел сзади с Мариной, миловидной девочкой с глазами глупыми, как у овечки. Порой я удивлялась, как она дотянула до четвертого курса.

– Мне нужно твое имя и фамилия, – повернувшись, шёпотом обратилась я к нему, – чтобы записать в список присутствующих.

Он специально сделал вид, что слишком увлечен разговором с Мариной, и только потом соизволил обратить на меня внимание.

– Ой, извини, – он даже приложил руку к сердцу, изображая раскаяние, – что ты сказала? Он не пытался говорить даже на полтона тише, просто разговаривал в полный голос.

– Ты слышал, – отрезала я.

– Не-а.

– Хорошо, я не буду тебя отмечать, так что, считай, тебя не было на паре.

– Как будто меня это волнует.

Я резко отвернулась обратно, не желая показывать свое раздражение.

– Лер, да не заморачивайся ты из-за него, – прошептала Катя и успокаивающе погладила меня по руке.

– Ник, – неожиданно сказал он, заставляя меня снова обернуться, – меня зовут Ник.

– Это что, какое-то погоняло? Может, скажешь полное имя, или так и продолжим пере-ливать из пустого в порожнее?

– Да, пожалуй, давай продолжим. А то этот ваш дед настолько скучный, что даже ты его не слушаешь.

Я мысленно досчитала до пяти, успокаивая себя.

– Ты подражаешь Волан-де-Морту и считаешь, что твое имя нельзя называть, или просто любишь быть бесячим?

Вместо того, чтобы все же раскрыть величайшую тайну своего имени, он усмехнулся моим словам и протянул руку. Я, закатив глаза, отдала список ему, чтобы записал себя сам.

– Дай ручку, – без всякого «пожалуйста» попросил Ник.

– Нет, – из вредности ответила я.

– Мариночка, милая, – обратился он, – одолжи мне, пожалуйста, свою ручку на минуту.

Я удержалась от того, чтобы в очередной раз закатить глаза, зато сама Марина просила от такого обращения. Пока парень записывал свое имя, я успела заметить краешек татуировки, показавшийся из-под его рукава, но разглядеть подробнее возможности не выдалось. Обезоруживающе улыбаясь, он передал листок мне. Никита Яров. Нормальное же имя, зачем было кочевряжиться?

– Спасибо, я унесу эту тайну с собой в могилу, – съязвила я. – А здесь напиши свой телефон.

Я оторвала кусочек бумаги и положила на его парту, мысленно подготавливая себя к очередной порции сарказма. Что поделать, если у меня должны быть телефоны всего курса?

– М-м, хочешь позвонить вечером? – Черная бровь взметнулась вверх. – Люблю, когда девушки делают первый шаг.

Я собиралась огрызнуться и сказать, что мечтать не вредно, но решила играть по его правилам.

– Конечно, дорогой, – проворковала я, – обожаю необузданных мужчин, от которых прет табаком.

Ник небрежным почерком оставил свой телефон и бросил бумажку мне. Я словила ее в последний момент.

Катя и Марина, первая – с интересом, вторая – с явным недовольством от того, что всё внимание достаётся не ей, наблюдали за нашей перепалкой. Хотя, если посмотреть, наблюдали все, кто сидел недалеко от нас.

– Позвони между 20:30 и 20:42, – подмигнул он.

– Очень постараюсь не забыть, – я состроила гримасу и отвернулась.

Класс, пропустила чуть ли не половину лекции. Я наспех переписала упущенное у Кати и дальше стала писать под нудную диктовку преподавателя. Волна гнева постепенно отступала. Этот новенький умеет быть раздражающим, но я не позволю себе забивать этим мозг. Мало ли в мире дураков. Буду по возможности держать нейтралитет.

Ник, тем не менее, не давал о себе забыть ни на секунду. Он вёл себя невыносимо и делал всё, чтобы привлечь к себе всеобщее внимание: после всего нескольких минут тишины он начал болтать с Мариной, потом с Пашей, парнем с соседней парты, затем и вовсе начал насвистывать как ни в чем не бывало, получил замечание от Карпова, затем объявил на всю аудиторию, что у него закончилась ручка, хотя у него ее и не было вовсе. Когда все вокруг стали ему предлагать свои ручки, он делал вид, что ни одна из них не пишет и сказал, что не может работать в таких условиях. Карпов посылал злые взгляды в сторону новичка, но пока терпел все его «фокусы». Обычно одного строгого взгляда старого преподавателя хватало, чтобы нарушивший дисциплину человек замолк на всю пару. Ника хватило на десять минут. Когда он начал нарочито громко барабанить пальцами по столу, я поняла, что он сейчас ещё что-то выкинет. Он снова перекинулся парой слов с Мариной, но так как она была не самым интересным собеседником, быстро ему наскучила.

– Эй, – позвал Ник.

Спиной я чувствовала его взгляд, но решила делать вид, что не поняла, к кому он обращается.

– Эй, староста! – Снова предпринял попытку он.

– Меня зовут Лера вообще-то, – не выдержала я.

– А фамилия?

– Зачем тебе моя фамилия? Ты не хотел говорить свою.

Он изучал меня своими глазами цвета утреннего тумана.

– В настоящий момент ты единственный человек на потоке, знающий мою фамилию.

– Новоприбывший молодой человек! – Раздался громогласный голос не выдержавшего беспредела Карпова, – В Вашем прошлом месте учебы Вас не учили, что во время лекции говорит преподаватель?

– Кажется, нет, но я обязательно это учту, – отозвался Ник, ничуть не смущенный.

– Лера Зима, тебя это тоже касается, – отчеканил преподаватель.

– Зима? – Прыснул парень.

– Тебе это... – начала я, но договорить не успела.

– Если кому-то неинтересно то, что я говорю, вы можете уходить! – Рывкнул преподаватель. – И мы с вами встретимся уже на экзамене.

– Могли бы и раньше сказать, – произнес Ник и с самым невозмутимым видом начал собирать вещи.

Встав и закинув сумку на плечо, он направился к выходу и, абсолютно не обращая внимания на Карпова и на пар сорок ушей прислушивающихся однокурсников, громко поинтересовался:

– Интересно, ты такая же холодная, как твоя фамилия?

– Только с теми, кто мне не нравится – так же громко, не желая выказывать перед ним слабины, ответила я.

– Думаю, со мной ты будешь довольно горячей, – дерзко улыбнулся он, – я нравлюсь всем. Мое лицо тут же предательски залилось краской. Его шутку с непонятными намеком услышала вся аудитория!

Проходя к выходу, Ник потрепал по голове сидящую на первой парте девочку, введя ее тем самым в легкое недоумение, сбросил со стола тетрадь сидящего рядом парня и покинул аудиторию.

– Клоун! – выплюнула я тихо, но очень эмоционально.

Глава 3

Я старалась не позволять мыслям о новеньком забивать себе мозг. Ну, прикалывается и прикалывается. Его поведение должно быть головной болью преподавателей, а не моей. Особенно интересно будет посмотреть, как быстро его нахальное шутовство прекратит Елена Юрьевна, преподавательница по налоговому праву, на которое мы сейчас и направлялись. За милостивым личиком и миниатюрной фигурой таился настоящий дракон, и разговор с нарушающими тишину студентами у нее короткий. Для нее у нашего потока даже имелось специальное прозвище.

Зато у Катки, кажется, наконец открылись глаза.

– Не понимаю, и чего он к тебе пристал! – Не переставала возмущаться она.

– Это все наверняка из-за этих его сигарет. Я, видите ли, ему замечание сделала.

Подруга некоторое время шла молча, словно что-то обдумывая, и выглядела при этом крайне мрачно.

– Наверняка, его даже наша Дракониша не усмирит, – невесело ухмыльнулась она.

– Это будет самая настоящая битва Титанов. Готова поспорить, через тридцать минут его уже не будет на паре.

– Ставлю на десять, – немного развеселилась Катя. – На что спорим?

– На слойку с мясом в столовке!

Мы закрепили спор шутовым рукопожатием и зашли в аудиторию. Никита уже развалившись сидел за партой и успел снова собрать вокруг себя стайку слушателей, в основном, из хихикающих девчонок, хотя и парни тоже не без интереса участвовали в разговоре. Все они осыпали его вопросами, удивлялись его, так называемой, смелости во время прошлой пары и рассказывали байки про наш универ. Сам он лишь достаивал окружающих небрежными ответами да давал саркастичные комментарии.

– Так ты откуда к нам пришел? – Спросил Саша Семёнов.

– Из Вышки.

– Ты перевелся к нам из ВШЭ? – Удивлялась Настя Пронина. – Почему? У меня там подруга учится, ей все нравится.

– Н-да? – Протянул Ник? – Как зовут подружку?

– Полина. Полина Субботина, а что?

– Хм, передавай Полиночке Субботиной привет, – сверкнув глазами, сказал Ник, – Только скажи, что кровать у нее уж чересчур мягкая. У меня до сих пор болит спина.

Настя распахнула глаза и аж побледнела.

– Ты имеешь в виду... Вы... То есть, в смысле, у неё есть парень, я в том плане, что...

– Приятно разыгрывать человека, когда он так бурно реагирует, – протянул парень и ущипнул Настю за нос.

– Так почему ты все-таки решил перейти к нам? – сидящая рядом с ним Марина пере-тянула одеяло на себя.

Мы с Катей подошли к своей парте, и моя сумка с шумом опустилась на стол.

– Судя по всему, он ничего не решал, его просто выгнали, – фыркнула я, вклиниваясь в разговор.

– Нет, мне стало скучно. А здесь, – он обвёл Марину игривым взглядом, – еще очень много неисследованных... развлечений.

Девушка хлопнула его по плечу, хотя сама даже не старалась скрыть довольную улыбку.

– Ну да, на юрфаке как раз каждый день проводятся дискотеки, по четвергам приезжают клоуны, а каждую третью пятницу всех студентов катают на пони, – не удержалась я.

Ник сложил руки на груди и смотрел на меня так, будто я мошка, и он раздумывает, как бы меня прихлопнуть.

– Я подсыпал виагру преподавателям, – отвернувшись от меня и снова обращаясь к своей «публике», выдал он, – поэтому меня выгнали.

– Преподавателям? – переспросила стоявшая рядом Катька, делая ударение на последний слог. – Всем, что ли?

– Нескольким. У нас был экзамен и, на мое счастье, для каждого из них поставили по бутылке воды. Пришлось, конечно, прийти раньше, но оно того стоило.

В толпе раздалась смешки, возгласы удивления и перешептывания. Даже Катя смеялась. Если кто и счел его поступок ужасным, то молчал в тряпочку, опасаясь вызвать недовольство Ника. Никто не осмелился сказать что-то, что может ему не понравится, никто не говорил, что он ведет себя в лучшем случае тупо, а в худшем – жестоко.

– Зачем?

Мой недовольный голос, казалось, прозвучал слишком громко и будто повис в воздухе.

– Староста, а тебе что, для всего нужны причины? – Ухмылялся он.

Ухмылка эта совсем не выглядела доброй, а его лицо казалось вытесанным из холодного камня. О таких парнях обычно говорят, что об их скулы можно порезаться.

– Представь себе, – ответила я. – Кажется, нормальные люди называют это логикой.

– Разве я похож на «нормальных людей»?

Ответить я не успела из-за прозвеневшего звонка, да и ответа-то я сама не знала. Является ли его поведение просто ребячеством, инфантильным и глупым способом произвести впечатление на новый коллектив, или он действительно такой сумасшедший, каким хочет казаться?

В аудиторию внеслась Елена Юрьевна, облаченная в фиолетовое платье с нелепым высоким воротником, доходившим аж до щек. Он добавлял ей схожести с настоящей драконихой. В аудитории в один миг повисла идеальная тишина. Не утруждая себя даже приветствием, преподавательница тут же начала сыпать вопросами, проверяя, насколько мы деградировали за лето. Ответ каждого студента она достаивала взглядом, от которого хотелось провалиться сквозь землю. Этот взгляд намекал, что все, что мы говорим, кажется ей несусветным бредом, даже если человек отвечал правильно. Кто-то опускал взгляд в парту, надеясь, что так Дракониха «не нападет» на него, кто-то ссутуливался, желая сжаться до размера маленькой незаметной точки, кто-то же наоборот старался изобразить уверенность в своих знаниях – хищники чувствуют страх, нельзя позволять ему просочиться.

Зато Ник Яров выглядел так, будто единственное, что его беспокоит – это неудобный стул. Он сидел со скучающим видом, подперев лицо ладонью, и что-то черкал в тетради. В своей противоречащей уставу кожанке он слишком выделялся из всех присутствующих, и, конечно, Елена Юрьевна не могла не обратить на него свое внимание. Она тут же решила сделать его объектом своих мучений.

– Молодой человек, позвольте узнать, вы случайно не заблудились? – Вкрадчиво поинтересовалась она, подходя к его парте.

– Нет, – не отрываясь от тетради, отрезал он.

– А мне почему-то кажется, что заблудились. Уж, наверное, если бы вы знали, что находитесь в университете, то соблюдали бы дресс-код, и уж, наверное, удосужились послушать хотя бы одним ухом.

Парень молча поднял на нее глаза, в которых таилось что-то дикое. Что-то, говорящее: «Держись подальше» и заставляющее опустить взгляд, а то и вовсе отойти. Уверена, за эти несколько секунд гляделок Елена Юрьевна увидела отношение Ника и ко всему происходящему в университете, и к ней в частности. Ему было абсолютно плевать на учебу, пары, лек-

ции, дисциплину и приличие. Однако когда он заговорил, его голос был обманчиво мягким и обволакивающим, как шелк:

- Я вас слушаю самым внимательным образом.
- И что же я только что говорила? Можно даже не дословно, – отчеканила она.
- Что я мог бы удосужиться послушать пару хотя бы одним ухом. Почти дословно.
- До этого.
- Вы предположили, что я заблудился.
- До этого, – до пугающего спокойно повторила преподавательница.

Возможно, это затишье перед бурей. Все-таки Дракониха получила свое прозвище не просто так.

– Понятия не имею, – так же спокойно заявил Ник. – Я сказал, что внимательно вас слушаю, но не говорил, что слушал пять минут назад.

– Готовь денюжки на слойку с мясом, – прошептала мне Катя, – она вот-вот его выгонит.
– Надеюсь, Вам уже рассказали, про то, как я принимаю зачеты, – сказала она и отвернулась. На ее лице не дрогнул ни один мускул.

Переводя с языка Драконихи, если Яров продолжит так себя вести, зачет у нее ему сдать будет очень и очень непросто. Если его это вообще волнует.

На какое-то время я даже подумала, что ее угроза сработала, и Ник наконец понял, чем чревато валяние дурака, или же ему просто наскучило. По крайней мере, полчаса прошло, и слойку с мясом теперь должна мне Катя. Пара шла своим чередом, пока звонок чьего-то телефона не раздался на всю аудиторию. Что-то про сучек и грязный секс.

– Чей телефон?! – взревела Дракониха, начиная оправдывать своё прозвище.

А вот и обещанная буря подкрадывается.

С телефонами у нее на паре было очень строго – когда она слышала, что кто-то не отключил звук на телефоне, всегда казалось, будто она сейчас вышвырнет его в окно. Все активно завертели головами, стараясь найти источник звука. Естественно, это оказался новенький. Все это время телефон лежал прямо перед ним, а его владелец прекрасно слышал звонок. Опять валял дурака. Когда это осознала Елена Юрьевна, мне подумалось, что ее взгляд может превратить Ника в камень.

– Выключил немедленно! – Приказала разгневанная женщина.

Вместо этого Ник взял телефон и ответил на звонок:

– Да, ага, – лениво говорил он невидимому собеседнику, – уже иду.

И затем, ничего не сказав, парень просто вышел из аудитории. Вещи оставил на месте. Елена Юрьевна даже потеряла дар речи от такого хамства и лишь провожала его ошеломленным взглядом. Она точно не привыкла, чтобы ее пары проходили так. Обычно никто не хотел рисковать своей головой и слушался Елену Юрьевну беспрекословно.

– Он на всех парах так себя ведет? – Спросила преподавательница. От злости и удивления ее голос стал высоким. – Это нормально вообще?!

Никто не осмеливался ответить, лишь пара человек с первых парт пожали плечами.

– И откуда он к вам такой явился?

– Из Вышки, – тихо ответил Игорь.

Преподавательница недовольно поджала губы, кинула еще пару недовольных фраз, покачала головой и все же вернулась к теме занятия.

Возвращение Ника заставило всех до единого повернуть головы в его сторону и начать бурно перешептываться. В руках он с невозмутимым видом нес шесть коробок из-под пиццы, которые водрузил себе на парту, уселся на стул, открыл коробку, жестом предложил кусочек Марине, а когда та, недоуменно глядя на соседа, покачала головой в знак отказа, сам от него откусил.

Прерванная на полуслове Дракониха покраснела от негодования.

– Не обращайтесь на меня внимания, продолжайте, – сказал Ник.

Елена Юрьевна резким движением захлопнула свою методичку, и буря, успокоившаяся на несколько минут, снова забушевала:

– Ты с какой целью сюда пришел? – Голос ее становился громче с каждым словом, – Ты здесь будешь мне представления устраивать?! Цирк в другой стороне находится!

Яров даже не пытался ничего ответить, просто сидел со сложенными на груди руками и наблюдал за нарастающим гневом Елены Юрьевны.

– Я с тобой разговариваю! Думаешь мне без тебя идиотов не хватает?! Я никого не заставляю здесь находиться. Бери монатки и иди гуляй, только даже не заикайся мне потом о зачете! – Уже вовсю кричала она.

– А вы знали, что крик в качестве воспитательной методики крайне неэффективен? – Безразлично поинтересовался Яров.

– Характер будешь в другом месте показывать! Имя, Фамилия!

– Воробьев. Антон.

Дракониха стала записывать придуманное парнем только что имя, когда он прервал ее:

– Ой, извините. Точнее, Голубев. Постоянно путаю, сами понимаете, есть определенная схожесть.

Сейчас я не была уверена, что пар из ушей может повалить только у мультяшных персонажей, потому что бедная Дракониха была к этому крайне близка.

– Как у него фамилия?! – обратилась она уже к нам.

Все молчали. Ник ухмылялся, прекрасно понимая, что никто пока не успел узнать его фамилию. Да даже если и успел, вряд ли бы кто-то осмелился выдавать его. Точнее, его фамилию не знал никто, кроме меня. Эта мысль почему-то зажгла во мне искорку азарта. Интересно посмотреть на его лицо, когда хоть что-то пойдет не по его.

– Никита Яров, – весь поток повернулся в мою сторону, – его зовут Никита Яров.

Елена Юрьевна записала его имя в список, пообещала Нику множество проблем и встречу с деканом и, кажется, даже чуть успокоилась, вернув себе хоть какую-то власть. Зато обернувшись в сторону Ярова, в его глазах, прикованных ко мне, я увидела надвигающийся ураган. Ураган, обещавший холодный ливень, оглушающий гром и молнии, сжигающие всех, кто не успел спрятаться.

– Знаешь, староста, ты становишься слишком надоедливой, – сказал он так тихо, чтобы слышала только я, – придется с этим что-то сделать.

До конца пары он больше не сказал ни слова. Еще одно затишье перед еще одной бурей

Глава 4

После столь запоминающейся пары по налоговому праву наступил большой перерыв, длился он час. Яров решил этим воспользоваться и позвал всех в столовую – он угощал заказанной пиццей в честь своего прихода. Наш поток разместился за сдвинутыми ребятами столами, и теперь столовая наполнилась громкими разговорами, смешками и ароматом пиццы. После адресованных мне слов Ника мне не хотелось никуда идти и тем более, есть его еду, однако Катя уговорила меня не отрываться от коллектива. Она права, незачем превращать себя в нелюдимых изгоев. Но несмотря на всеобщее веселье и отличное настроение, я не участвовала в разговоре и, конечно, не притронулась к пицце. Мозг то и дело прокручивал сказанное им. «Придется с этим что-то сделать». Я хоть и не была знакома с ним даже суток, успела узнать его достаточно, чтобы понять: он выкинет что-то такое... что-то, что мне точно не понравится. Похоже, ему нравилось быть хозяином любой ситуации, а тут появилась я и начала мешать.

– Подкупить всех едой! Как банально, – возмущалась я, чтобы как-то отвлечься.

Катя ничего не ответила. Она посмотрела на меня, будто собираясь что-то сказать, потом поджала губы и стала гипнотизировать стол.

– Ну что? – Спросила я немного нервно, видя, что она не решается поделиться со мной своими мыслями.

– Просто я думаю... В общем, не надо было лезть на рожон!

– Когда это я лезла на рожон, Катя?! Преподаватель спросил фамилию ученика, а я ответила, вот и все.

– А могла и не говорить. Тебе что, нравится выводить его из себя?

– Я сделала так, как должна поступить староста потока, и поступила бы так с любым другим однокурсником.

Я и сама не верила своим словам. Я поддалась сиюминутному желанию подразнить наглого и слишком заносчивого парня и хотя бы на секунду стереть спесь с его лица, и обязанности старосты тут абсолютно не при чем. Возможно, действительно не стоило этого делать. Чего я этим добилась?

– Да ты сразу, как его увидела, вместо приветствия начала читать ему нотации! – Недовольствовала подруга, – Такое бы никому не понравилось.

– А я и не обязана ему нравиться. И вообще, с чего вдруг ты ринулась его защищать?

– Да потому что мы теперь выйдем, как олицетворение скуки. Посмотри, все веселятся, а одни мы сидим как клуши. И все потому, что тебе приспичило конфликтовать с тем, кто понравился всем нашим однокурсникам, – уже более тихо говорила Катя.

– Катя, если хочешь, пересядь ближе к остальным, дружи с Ником, общайся. Я не обижусь, правда. Мое отношение к нему не должно влиять на тебя, – убеждала я.

– Дура, ты Лерка! Как я могу тебя бросить? – Примирительно улыбнулась она.

В этот момент я вздрогнула, только сейчас заметив Ника, бесшумно подошедшего и теперь стоявшего за спиной подруги. Он беспардонно вклинился между нами, отодвинув нас с Катей в разные стороны, и, вопреки моим ожиданиям, даже не взглянув на меня, заговорил с Катей:

– Почему ты ничего не ешь? – Дружелюбно поинтересовался он.

– Я... не хочется, – Катя замялась и на секунду взглянула через Ника на меня.

Парень потянулся и пододвинул коробку с пиццей поближе.

– Как тебя зовут? Твоя вредная подружка нас не познакомила.

– Катя.

– Красивое имя. Не стесняйся, Катя, – он подвину коробку еще ближе, взял оттуда кусочек и протянул подруге.

Та приняла его и выглядела при этом немного смущенной. Я удержалась, чтобы не скривиться. Неужели она станет жертвой его притворного обаяния? Может, он хочет таким образом повернуть все так, чтобы у меня не осталось на потоке друзей?

Я отогнала от себя эти мысли. Катя может общаться с кем хочет, я сама говорила ей это минуту назад. Она ведь может дружить со мной и общаться с ним.

– Пересядешь к нам? У нас повеселее будет.

– Да нет, – не очень убедительно отвечала подруга, – я с Лерой буду.

– Не бойся. С хорошими девочками я не кусаюсь.

Он по-хищному улыбнулся, заглядывая подруге в глаза. Сложно было поверить, что так он всего лишь старается подружиться с большим количеством новых однокурсников. Я уже видела: ему не надо прикладывать и малейших усилий, все и без этого сами окружают его, желая познакомиться с необычным новичком, а тут он впервые за день подошел к кому-то сам. Может, Катя ему просто понравилась больше остальных?

– Я учту на будущее, – Катины губы тоже изогнулись в легкой улыбке.

– Буду польщен твоей компанией, – выразительно сказал он и удалился.

Как только парень отошел, я пробубнила себе под нос:

– Надо же, он умеет вежливо общаться!

Катя проводила его взглядом и посмотрела на меня с немного виноватым выражением лица.

– Ты не злишься на меня?

– С чего бы мне злиться?

Голос мой звучал так мрачно, что подругу вряд ли убедил мой ответ.

– Просто мне кажется, что с такими людьми для себя же лучше хотя бы постараться поддерживать хорошие отношения, – зачем-то оправдывалась она. Левая рука нервно терла пальцы правой. – Это как с собакой, доберманом каким-нибудь. Ты не знаешь, что может взбрести ему в голову. И ты можешь или погладить его и дать вкусняшку, или начать дразнить и злить. Так что, я на твоём месте подумала бы, что выбрать.

– Собак надо воспитывать и держать на поводке! Тем более тех, кто готов накинуться на каждого встречного.

Я насупилась и скрестила руки на груди. Ну почему один единственный человек своим присутствием портит весь день?!

– Ты же видишь, что он немного не... Он какой-то неуправляемый, – негромко сказала Катя и покосилась в сторону Ника, – лучше не трогать его.

Тот запрокинул ноги на соседнюю лавку и, не забывая сохранять некое веселое превосходство в голосе, пререкался с работницей столовой, которая оповещала, что «со своим» нельзя и требовала убрать ноги со скамьи.

– На каком основании вы предъявляете требования?

– На основании того, что сюда нельзя свою еду приносить! Идите, вон, в кафе, и там делайте, что хотите! – Уперев руки в боки, причитала полная женщина с седыми, с бабушкиным сиреневым оттенком, волосами.

– Не вижу никаких юридических оснований в Ваших требованиях. Закреплено ли в уставе университета, что я не могу сидеть так, как хочу, или есть пиццу на территории столовой? – Яров склонил голову, внимательно наблюдая за реакцией работницы.

Женщина лишь цыкнула языком, не придумав, что ответить. Наверно, никто, кроме ректора, никогда не читал устав и даже не задумывался о его существовании.

– Ты посмотри, какие все умные стали! – Все же вымолвила она. – Сказали нельзя, значит нельзя!

Теперь она, не обращая внимания на слова Ника, резкими раздраженными движениями стала собирать еще не опустевшие коробки с пиццей со стола и размахивать над ним тряпкой.

– Стоп, стоп, стоп, – почти проворковал парень и перехватил руку женщины, – мадам, а теперь вы посягаете на мою собственность. Я заплатил за эту пиццу, вы не имеете права ее отнять.

– Тьфу на вас! – Бросила вконец разозлившаяся работница, махнула рукой на наш стол и затопала обратно.

Вокруг тут же раздались одобрительные возгласы, кто-то из однокурсников попытался дать Нику «Пять».

– Вау, ловко он, – прокомментировала Катя.

– М-да, – слабо откликнулась я, потому что, несмотря на мою неприязнь к новенькому, не могла с ней не согласиться.

С первого курса все знали, что наша столовая – территория сплошных запретов. Со своей едой – нельзя, сидеть совсем без еды, когда просто хочешь переждать окно между парами, нельзя, долго засиживаться – нельзя. Никто даже и не пытался спорить, а Яров всего какой-то парой фраз отмел все возможные претензии.

Весь оставшийся день я ожидала новых выходов от него, но парень вел себя на удивление мирно: не перебивал преподавателей на парах, подсел к Саше Семенову и говорил с ним довольно тихо, а на переменах его поведение даже было приближено к понятиям о приличии. В мою сторону он больше ни разу не посмотрел.

Когда он не лез из кожи вон, чтобы стать центром вселенной, меня снова захлестнули скучные мысли о домашних заданиях, теме диплома и поисках работы. Хорошо, так и должно быть. Спокойно и привычно. После пар мы с Катей зашли в кафе неподалеку от универа, выпили по бокалу вина в честь начала учебного года, последнего в нашей жизни, и стали обсуждать платья на выпускной. Глупо пока о них задумываться, но простая болтовня прекрасно поднимала настроение.

Домой я пришла в хорошем расположении духа (насколько это возможно в первый учебный день) и оставалась бы в нем до конца вечера, даже невзирая на домашнее задание, если бы не мама. Нет, ее я ни в чем не виню – за ужином она спрашивала, как дела и что нового в университете. В общем, проявляла заботу, как она делает всегда, но один вопрос заставил меня снова окунуться в не самые приятные мысли.

– Как там ваш новый мальчик?

Я вздохнула и ответила не сразу:

– Да нормально. Обычно.

Я привыкла доверять маме и делилась с ней почти всем: своими мыслями и переживаниями, но сегодня быть до конца откровенной не хотелось. Через стол на меня смотрели такие же, как у меня, карие глаза, в которых блеснула хитрая искорка интереса.

– Симпатичный?

Да. Очень.

– Нет, – снова соврала я и скрыла лицо за чашкой, в которой на самом деле уже не было ни капли чая.

Мама, конечно, сразу же меня раскусила.

– Значит, симпатичный, – засмеялась она.

– Мам, есть же вещи поважнее внешности! – Вспылила я непонятно почему. – Да он... он... Ты же не знаешь, как он себя ведет!

Договаривать я не стала – на кухню вошел папа:

– Что у вас тут за сыр-бор? О чем речь? – Бодро поинтересовался он.

Вместо ответа мама встала и потрепала папу по светлой голове – этим я пошла в него.

– Да так, о разном, – улыбнулась она. – Знаешь, когда я твоего папу встретила, мне он казался ужасным дураком. Когда он пригласил меня на свидание, я не знала, куда мне деваться...

– А я оказался не таким уж и дураком, – так же улыбаясь, закончил за нее папа.

– Да, так что, первое впечатление обманчиво, – подытожила мама.

– Не всегда, – ответила я, стараясь казаться при этом беззаботной, чтобы избежать лишних вопросов.

Убрав за собой, я сказала, что мне надо заниматься и поспешила скрыться в своей комнате. Я стала открывать тетради с лекциями, пытаюсь что-то запомнить, но мысли текли совершенно не в том направлении. Три года я старалась выстроить дружеские отношения со всем потоком, не нарывать на конфликты, быть хорошей для всех, заработать такую репутацию, чтобы ко мне прислушивались и уважали. Старалась сделать так, чтобы не повторилось то, что было в школе... А тут появляется кто-то и начинает все это разрушать, весело и легкомысленно. Возможно, Катя права. Надо было сделать вид, что его не существует, и не лезть к нему. Надеюсь, еще не поздно поменять тактику поведения. И все снова станет как прежде.

Глава 5

Следующий день был настолько обычным, что я стала корить себя за излишнюю мнительность и за то, что сделала из мухи слона. Никита Яров, конечно, вёл себя вызывающе, но это не шло ни в какое сравнение со вчерашним днем. Видимо, он хотел произвести запоминающееся первое впечатление, показать себя, и теперь, когда приличная часть курса без всяких усилий с его стороны пыталась с ним заговорить или хотя бы сесть поближе, смысла напрягаться он уже не видел.

Тот факт, что сегодня пятница, делал мир почти на сто процентов прекрасным. Мы с родителями собирались на дачу с ночевкой на выходные, и сейчас меня захватили размышления о вкусном папином шашлыке и возможности позагорать, пока сентябрь все еще радуется теплыми деньками.

Не самая любимая пара с нашей кураторшей, Натальей Николаевной Шуматовой, стоящая в расписании последней, теперь даже радовала. Еще немного, и, привет, выходные!

Мы с Катькой быстрым шагом направлялись в аудиторию, иначе вполне могли опоздать – звонок прозвонит через три минуты. Подруга вдруг остановилась посреди коридора и дернула меня за рукав:

- Я в туалет, – кивнула она в сторону уборной, – подождёшь?
- Кать, ну пара же сейчас начнётся!
- Ладно, я догоню тогда. Займи мне место.

Катя скрылась за дверью, а я пошла по пустеющему коридору одна. Однокурсники спешили зайти в аудиторию. Если у Шуматовой плохое настроение, опаздывать – себе дороже. Возле двери стояла одинокая фигура в облаке сигаретного дыма. Свет падал так, что лица не было видно, лишь черный силуэт в белом коридоре. Однако догадаться, кто это, не составляло труда. У кого еще хватит ума курить прямо здесь? Не составляло труда и понять, что смотрит он прямо на меня, наблюдает за моим приближением. Я замедлила шаг, глупо надеясь, что он уйдет. Конечно же, он не ушел! Я гордо подняла голову, намереваясь зайти в аудиторию спокойно и уверенно. Не обращай на него внимания. Не обращай на него внимания. Не обращай на него внимания. Шаг, еще шаг, и вот я уже настолько близко к Ярову, что могу разглядеть темный ободок в радужке светло-серых глаз. Плавным движением он отошел в сторону, оперся на косяк и загородил мне проход. Молчал и то ли задумчиво, то ли презрительно оглядывал меня. Когда я оказалась рядом, заметила, что он на целых две головы выше меня.

- Пропусти, пожалуйста, – сдержано сказала я, не выказывая эмоций.

Ник все еще не вымолвил ни слова. Набрал полные легкие дыма и выдохнул прямо мне в лицо. Не успела я даже отреагировать на это, как он своим глубоким, бархатным голосом произнёс:

- Готов поспорить, у тебя будет ужасно весёлый вечер пятницы.

Сказав это, он зашел в аудиторию, оставив меня в легком ступоре.

Его фраза не давала мне покоя всю пару. Очень хотелось выкинуть ее из головы, забыть, сделать вид, что я ничего не слышала, поэтому Кате я решила ничего не говорить. Хватит и того, что вчерашний день был подпорчен сплошными разговорами о Нике. Но как только я забывала о нем, он сам напоминал о себе.

– Никита Яров, – обратилась к нему Шуматова, пока еще по-доброму, – у нас соблюдается определенный стиль одежды, так что в таком виде в следующий раз не пущу. Светлый верх, тёмный низ, хорошо?

Как и вчера, одежда Ника была далека от официального стиля – чёрные джинсы и обтягивающая серая футболка.

- У меня светлый верх и темный низ, – безразлично откликнулся он.

– Не придуривайся! Ты понял, о чем я. Рубашечка, брюки... Вот посмотри на других ребят.

– Зачем мне одеваться, как другие... – он на секунду замолчал и с пренебрежительной интонацией выплюнул слово: – ребята?

– Яров! Потому что так положено!

Кажется, Наталья Николаевна начала понимать, какой трудный студент ей достался.

– Я плачу вам деньги за то, что вы оказываете мне услуги, вот и все. Какой, к черту, дресс-код? Мы не в школе.

Шуматова пронзила его грозным взглядом и с холодной жесткостью отчеканила:

– Я не обираюсь тратить время на выяснения. Предупреждать второй раз я тоже не буду. В следующий раз пойдёшь к декану.

– Отлично, надеюсь, что меня отчислят как можно быстрее, – фыркнул он, уже ни к кому конкретно не обращаясь.

Пара пошла своим чередом, будто ничего и не произошло.

Наконец, прозвучал долгожданный звонок. Все тут же засобирались, зашумели закрываемые тетрадки и молнии сумок, а воздух вновь наполнился разговорами.

– Подождёшь меня? Наталья Николаевна просила подойти, помочь ей со списком присутствующих. Мне пять минут всего.

– Лерок, мне бежать надо, – призналась Катя, – сестра приезжает, и мы собирались поехать кое-куда. Она меня уже внизу ждет.

– Ну ладно, тогда до понедельника!

– Пока!

Катя помахала рукой и выбежала в коридор.

Пока мы с Шуматовой отмечали отсутствующих, пока она говорила о новых преподавателях по английскому, учебниках и сборах денег, аудитория окончательно опустела.

Когда я шла к своему месту, чтобы наконец собрать сумку и отправиться домой, почувствовала навалившуюся усталость. Как никак, сегодня было аж пять пар! А ведь это только второй день учебы... Может, я совсем переутомилась с непривычки, но в упор не видела свою сумку. На парте осталась тетрадь, пара ручек, маркер и телефон. Сумки не было ни под столом, ни на нем, ни рядом с ним. Я непонимающе завертела головой. Надо сосредоточиться. Я подошла обратно к столу Шуматовой – там я тоже сумку не оставляла.

– Лер, ты чего? – преподавательница подняла глаза от каких-то бумаг, – Потеряла чего?

– Да вот сумку найти не могу...

– Ну даешь. Я ключ оставлю тогда. Как найдешь, закроешь дверь? И охраннику отдашь.

– Да, хорошо, – как-то отрешенно согласилась я.

Когда Наталья Николаевна ушла, я стала бродить по всей аудитории, заглянула даже под ее стол, хотя знала, что ничего там не найду. На всякий случай проверила шкафы, еще раз обошла аудиторию, выглянула в коридор, по которому домой торопились уставшие студенты, и даже посмотрела во все ближайшие мусорки. Растрепанная от беготни, я стояла посреди аудитории и кусала губы. Подсознательно я уже точно знала, кто взял мою сумку, но не хотела в это верить. «Готов поспорить, у тебя будет ужасно веселый вечер пятницы». Черт. И что теперь делать? Искать по всему университету? Похоже, выбор невелик. Я обыскала весь этаж, заглядывала в открытые аудитории, женский туалет, с быстротой и осторожностью осмелилась заглянуть в мужской (повезло, что все разошлись по домам!) и вернулась обратно. Села на первый попавшийся стул и вслух выругалась. Я потратила на поиски уже минут тридцать, все студенты и преподаватели ушли домой, в аудиториях постепенно гас свет. А сумка до сих пор может быть где угодно! В универе аж шесть этажей, и ведь не факт, что она вообще здесь. В ней ключи от квартиры, планшет, паспорт и студенческий билет, деньги на дорогу домой. А вдруг он забрал ее? Выкинул в какую-нибудь помойку? Лично меня такой поступок в его

исполнении не удивит. И это за это дурацкое замечание насчет сигарет? За то, что я назвала его фамилию, когда он сам не хотел ее говорить?!

Я заставила себя выдохнуть и думать логически. Вдруг меня осенило. Подбежав к столу с жалкими остатками своих вещей, я распахнула свою толстую общую тетрадь, где писала лекции сразу по нескольким предметам, и судорожно начала ее трясти. Вот оно! На стол выпал маленький кусочек бумажки. Номер Ярова. Как же хорошо, что он у меня остался в этой тетради! Целую минуту я гипнотизировала взглядом написанные торопливым почерком цифры, то и дело откладывая бумажку. Не хочу. Ужасно не хочу этого делать! Разорвала бы этот листок в клочья и выбросила!

Вместо этого я набрала номер. Каждый гудок словно отдавался в самом сердце.

– Алло, – прозвучал грубый голос.

– Где моя сумка? – Я попыталась звучать уравновешено.

Когда он понял, кто это, в голос прокралась смеющиеся нотки. Нет, не смеющиеся. Недобро насмехающиеся:

– А кто спрашивает?

– Ты знаешь.

– Понимаешь, мне звонит много девушек.

– Это Лера!

Я начинала раздражаться из-за того, что он опять заставляет играть в свои idiotские игры. Что ж, выбора у меня нет.

– Я знаю не одну Леру, – его голос казался мягким и вкрадчивым.

– Лера Зима.

– А, староста? Та вредная девчонка? Я и забыл, что у тебя есть мой телефон.

– Где сумка? – продолжала требовать я.

– Слушай, твой голос полностью оправдывает фамилию. Такой суровый, – Ник издевательски тянул каждое слово, – такой холодный.

Все мое напускное спокойствие треснуло под давлением взрывных эмоций:

– Что ты хочешь? Что ты, блин, хочешь, чтобы я сказала или сделала, чтобы вернуть ее?!

Он лишь засмеялся.

– Чего я хочу? А если я скажу, приезжай и отсоси? Сделаешь это за сумку?

Я молчала в трубку. Глаза были на мокром месте. Я чувствовала себя маленькой, глупой и беспомощной. Чувствовала себя, как в пятом классе. Пожалуй, худшее время в моей жизни. Нет, я больше не вернусь в то время. Не буду пугливой, не буду шугаться от таких, как Никита Яров. Хоть с некоторым трудом, но я тоже добавила в голос такой же едкой снисходительности:

– И это за то, что назвала твою фамилию Драконихе? – Заставила себя фыркнуть, – а ты, я вижу, очень обидчивый. Даже смешно.

– Я не люблю, когда кто-то путается под ногами и мешает делать то, что я хочу – четко выговаривая каждое слово, произнёс собеседник. Веселье испарилось из его голоса.

Так, ему явно не понравились изменения в моей интонации. Боже, общаться с этим человеком – все равно, что играть в Сапёра! Невозможно понять, какой ход окажется верным, а какой приведёт к взрыву. Значит, он хочет, чтобы я была послушной и не мешалась? Что ж, я могу сыграть эту роль на несколько минут. Но потом...

– Ник, извини. Я все поняла и больше не буду тебе докучать, – примирительно сказала я, хотя сама чуть не скривилась от этих слов.

В трубке на несколько секунд повисла тишина.

– Не могу сказать ничего конкретного по поводу твоей сумки, – Яров старательно изображал задумчивость, – но в последний раз я видел ее на каком-то этаже среди строительного хлама.

На этих словах он отключился, но мне большего и не надо. Строительный хлам может находиться только на одном этаже – на шестом, там как раз идет ремонт, и даже пары с прошлого года там не проходят. Я схватила остатки своих вещей и пулей вынеслась из аудитории, не забыв закрыть дверь на ключ. Добралась до лифта, поехала наверх и наконец очутилась на этаже, где должна находиться моя многострадальная сумка. Меня встретили голые белые стены, строительные козлы, ведра и упаковки со стройматериалами. Пахло пылью и штукатуркой. Медленно я побрела по этажу, осматривая каждый угол, пока, в конце концов, не наткнулась на лежащую на полу, возле стопки кафеля, сумку. Она была запачкана в гипсовой пыли, но внутри все осталось нетронутым.

Я отряхнула сумку и пошла к лифту. В груди клокотал гнев. Мне пришлось выслушивать его издевательства, да еще и выдавливать из себя извинения просто потому, что он ненормальный! Если он хоть на секунду подумал, что его поступок напугает меня, заставит затихнуть, то он очень, очень ошибается. Может, раньше я бы действительно решила не лезть и быть максимально незаметной для своего же блага. Но те времена, к счастью, прошли.

Глава 6

В ночь на воскресенье мне снилась школа. Снилось, как я пришла в новый класс, где все уже сдружилось. В этом сне на меня смотрело бесконечное количество незнакомых лиц, и все они смеялись. В руках я крепко сжимала свою сумку, с которой сейчас хожу на учебу и для которой в пятницу провела дурацкую спасательную операцию. Все показывали на нее пальцем, а потом стали пытаться отнять, вырвать из моей хватки. Когда им это удалось, они стали рассматривать лежащие в ней вещи, бросать их на пол и гоготать.

Я распахнула глаза. Ну и приснится же! Реальность оказалась гораздо приятнее. Я выглянула в окошко – там на веранде нашего дачного домика мама с папой сидели за деревянным столом, пили чай и что-то живо обсуждали. Меня ждет прекрасный солнечный день на природе, я буду загорать на все еще зеленой траве, на обед родители приготовят салат из ароматных овощей и домашнюю картошечку, а потом мы прогуляемся до реки.

На природе я чувствовала себя умиротворенно и расслабленно, наслаждалась свежим воздухом и звуком мирно шелестящих деревьев, ничто меня не тревожило и не волновало. Однако вечером, когда мы ехали домой, мысли о завтрашнем дне лезли в голову все настойчивей и настойчивей. Я десятки раз взвешивала разумность намеченной линии поведения и убеждала себя, что отказаться от неё будет проявлением слабости и безвольности. Родители заметили, что я притихла, но я лишь сказала, что просто хочу спать. Не особо убедительно, но они лезть не стали. Мне не нравилось, что теперь приходится постоянно уваливать от ответа на вопросы о своем настроении или делах в универе, но и обсуждать Ярова с родителями, а уж тем более, жаловаться на него, я точно не собираюсь.

В понедельник я приложила максимум усилий, чтобы поднять себе настроение. Надела любимую обтягивающую темно-синюю юбку, решила раз в кои-то веки надеть каблуки, сделала пару пшиков дорогими духами, которые обычно использовала только по праздникам, сбрызнула волосы спреем для блеска. За завтраком, игнорируя совесть, умяла половину плитки шоколада и повторила конспекты, чтобы и во время пар чувствовать себя настолько уверенно, насколько это возможно. Напоследок я взглянула на себя в зеркало, приподняла подбородок и прорепетировала прямой взгляд и снисходительную улыбку.

В университете я весело болтала с Катей и другими однокурсниками, улыбалась, смеялась и прекрасно отвечала на семинарах. Пару раз я поймала на себе презрительный взгляд Ника, будто мое хорошее настроение не соответствовало его планам. На это я как раз и рассчитывала. Ожидал увидеть сегодня замолчавшую тихоню? Ну уж нет! И только когда никто не видел, я расслаблялась, стирала с лица притворную улыбку и делала глубокий вдох, пытаясь унять сердцебиение. Ну почему я вообще нервничаю?! В обед, когда мы с Катей сидели в столовой, она все же заметила, что со мной что-то не то:

– Лер, ты вообще слышала, что я говорю?

– Извини, я просто... не выпалась, – использовала я ту же отговорку, что и для родителей.

После обеда у нас будет ещё две пары, и надо успеть осуществить задуманное.

– У тебя что-то случилось, что ли? – Катя, конечно, не поверила в мою ложь.

Я долго молчала, не глядя на подругу, затем решила все рассказать. Мне необходимо с кем-то поделиться. Может, хоть тогда часть напряжения отступит.

– Что я тебе говорила! – Воскликнула подруга. – Не надо было к нему лезть! А если бы у тебя не оказалось его телефона?

Этот вопрос я и сама себе задавала, но если бы да кабы...

– Все же нормально закончилось, – попыталась успокоить я и усмехнулась, – он думает, что мне ужасно жаль и что я больше так никогда не буду.

– Думает? – Непонимающе и с ноткой недовольства переспросила она. – А на самом деле?
– А на самом деле, очень даже буду, – самодовольно заявила я. – Пошли, скоро звонок.

Катя всеми правдами и неправдами пыталась выяснить, что я задумала, и непременно отговорить от этого. Я не хотела спорить и просто переводила тему.

Предпоследняя пара стала для меня самым настоящим испытанием. После нее у меня останется всего одна перемена, чтобы что-то сделать. Конечно, вся моя бравада перед Катей была показной. Теперь я начинала осознавать, что поступаю глупо и как-то по-детски, а ведь я даже не обдумала, как лучше действовать. Но если я совсем ничего не сделаю, буду корить себя за это. На протяжении всего занятия я смотрела в сторону Ника, слушала, как он огрызается с преподавателем и в очередной раз доказывает, что не обязан ходить в белой рубашке, не обязан отвечать на вопросы или писать лекции. Пока я наблюдала за ним, Катя с подозрением наблюдала за мной. М-да, не сказать, чтобы эта слезка дала мне хоть какое-то понимание того, что я собираюсь делать.

До звонка оставалось минут пять, и преподаватель начал отмечать присутствующих. Вдруг меня осенило. Надо действовать прямо сейчас! Яров стоит последним в списке, и ему придется ждать минуты две, пока его не назовут. Моя же фамилия гораздо ближе к началу, и как только меня отметят, я могу уходить.

– Зима Валерия, – раздался голос преподавателя.

Сердце застучало, как сумасшедшее.

– Здесь! Николай Георгиевич, – быстро обратилась я, пока он не продолжил, – можно мне идти? Мне надо в... деканат... там просили подойти.

– Да, иди.

Катя уставилась на меня, прекрасно зная, что ни в какой деканат мне не нужно. Я, насколько могла, быстро собрала свои вещи и ещё раз вздохнула. Ник сидел впереди и справа от нас и слушал болтовню очередной однокурсницы.

Я сделала несколько шагов вперед. Вот и его парта. Его сумка валяется на полу.

Не размышляя больше ни секунды, я схватила её за ремешок и со скоростью света вынеслась в коридор. Кажется, он спохватился только когда я была уже у двери. Коридор был еще совсем пустым, и лишь звук моих цокающих каблучков нарушал тишину. Утром я так усердно старалась себя приободрить, что совсем не задумалась о практичности такой обуви.

Сейчас я на пятом этаже. Слишком легко. Я поспешила на лестницу, когда сзади послышались приближающиеся шаги. Я побежала вниз, не оглядываясь. Чья-то рука дернула меня за плечо. Черт, конечно, он меня догнал.

Но это был не Ник. Передо мной стояла запыхавшаяся Катя и ошеломленно смотрела на меня.

– Лер, ты что? – Выпала она. – Ты совсем ку-ку?

– Он идет? – Пытаясь отдышаться, спросила я и стала заглядывать Кате за спину.

– Не знаю, возможно, – по-прежнему не понимая происходящего, пожалала плечами она.

– Я спрячу его сумку в женском туалете. За вчерашнее, – заговорщически шепнула я. – Я побегу, иначе он догонит!

Не дожидаясь ответа, я поторопилась дальше по лестнице. Сумка Ярова неприятно ударила в бок.

– Лер, это же глупо! Зачем ты вообще...

Услышать, что она сказала, я уже не успела. Прозвенел звонок, и коридоры четвертого этажа заполнили студенты. Отлично, это мне только на руку – если Яров увязался за мной, это может его задержать. Не обращая внимания на окружающие со всех сторон взгляды, я рванула в женский туалет и заперлась в свободной кабинке. Немного успокоила дыхание. Я бы с радостью окунула сумку прямо в унитаз и захлопнула крышку, но что сделает Ник, когда узнает

об этом, лучше не думать. После недолгих размышлений сумка опустилась прямо на мокрый пол туалета. Фу. Остается надеяться, что здесь недавно была уборщица, и это просто вода.

Покинув кабинку, я остановилась возле раковин, не решаясь выйти. Впереди еще одна пара, и мне явно не удастся избежать встречи с владельцем сумки. Давно я не делала чего-то настолько глупого. Стоило ли оно вообще того? Я взглянула на себя в зеркало: от бега щеки залил румянец, будто я была на морозе, волосы немного растрепались, темные глаза странно блестят. Чтобы еще немного потянуть время, я достала расческу и стала приводить прическу в порядок. Ну все, хватит прятаться!

Твердым шагом я направилась к двери, распахнула ее. И нос к носу столкнулась с Никитой. Как он так быстро меня нашел?!

Он сжал мои плечи своими длинными пальцами и легко толкнул обратно в туалет. Губы скривились в улыбке, не предвещающей ничего хорошего.

– Ничего, что это женский туалет?! – Проверещала какая-то девчонка.

– Вышли все, – тихо, почти шепотом, но при этом очень властно сказал Ник.

– А, может, выйдешь ты? – Огрызнулась девчонка.

Он смерил ее уничижительным взглядом.

– Я сказал, вышли все! – Рявкнул парень.

Находящиеся в туалете девочки переглянулись и решили все же уйти от греха подальше. Пальцы Ника все ещё сжимали мои плечи, хищная улыбка не сходила с его лица.

– Принеси ее обратно, – нарочито ласково сказал он.

Эта ласковость в голосе была подобна шёлку, под которым на самом деле прятался охотничий нож с острым холодным клинком.

– Понятия не имею, о чем ты, – проворковала я, подражая его интонации.

Тогда парень схватил меня за руку и потянул к кабинкам. Он стал резко распахивать одну за другой, пока не наткнулся на нужную. С каким-то неистовством Яров рванул сумку на себя и только потом увидел, что она в чем-то мокром.

Не знаю, какая муха меня укусила, но сейчас, когда я смогла лучше её рассмотреть, вслух заметила:

– Упс, это Армани. Как жаль.

Наверно, я знала, что хуже уже не будет и терять нечего, и этот факт добавлял мне смелости. Я невинно пожалала плечами и мило улыбнулась. Это привело его в яростное бешенство, и он, вложив всю злость в бросок, отшвырнул сумку к стене.

– Блять! Какого хрена ты делаешь?!

Ответить мне не дали. Его руки снова сомкнулись на моих плечах. Крепко схватив, он повел меня к раковинам, и теперь я упиралась в одну из них. По обе стороны от нее он поместил свои руки, так что теперь я словно была в ловушке. Его тело оказалось так близко, что меня окатило волной жара. Если до этого мне казалось, что сердце стучит просто быстро, то теперь, когда его губы переместились к моему уху, а дыхание опаляло открытую кожу шеи, оно и вовсе пустилось вскачь. В крови бушевал адреналин, делая ее горячей. Наверно, нечто похожее испытывают люди перед прыжком с банджи. Страх, неизвестность и... азарт? Понимание, что отступить уже поздно?

– Ты вздумала играть со мной? – Прошипел Ник сквозь стиснутые зубы.

– А что, если так? – С вызовом спросила я и посмотрела ему прямо в глаза.

В них разгорался огонь, который, в отличие от обычного пламени, убивал не жаром, а своим обжигающим холодом.

– Я тебя предупреждал. Не лезь. Ко мне. И не путайся. Под ногами, – грудным голосом прорычал Яров.

Его лицо находилось в паре сантиметров от моего, руки на раковине слегка касались моих бедер, не позволяя вырваться.

– Или что? Станешь макать меня головой в унитаз?

Я хотела прозвучать смело и саркастично, но получилось тихо и хрипло.

Дверь в туалет распахнулась, являя нам нашу однокурсницу Машу, брови которой при виде нас взлетели вверх.

– Выйди! – крикнул Ник.

Бедная Маша меньше, чем за секунду, захлопнула дверь и убежала. Ну конечно, кто-то обязательно бы сюда сунулся – следующая пара у нас именно на этом этаже! Как теперь объяснить ей, что она стала свидетельницей осуществления мести, а вовсе не внезапно вспыхнувшей страсти между неуравновешенным типом и студенткой, потерявшей голову при виде его ангельский глаз?

Ника такие мысли не особо заботили. Он отвернулся от двери, снова оглядел меня и опустил голову, будто размышляя, как наказать слишком непослушную ученицу. Затем вдруг взял меня за талию, поднял в воздух и усадил прямо в раковину. Я ахнула от неожиданности.

– Да что ты...

На этих словах позади меня открылся кран с ледяной водой, которая тут же стала впитываться в мою юбку и брызгать на спину. От холода и неожиданности спёрло дыхание, и я забарахталась, как перевернутый жучок, одновременно атакуя парня градом ударов в грудь. Когда я поняла, что это не помогает, грубо его оттолкнула и спрыгнула на пол. Теперь, когда с моей любимой юбки стекали капельки воды, сзади наверняка осталось огромное мокрое пятно, а лицо залила краска гнева, Ник расплылся в издевательской улыбке и со спокойной душой собирался уйти.

Из коридора донеслось брэнчание звонка на пару. Плевать! В таком виде я туда уж точно не пойду, и, кроме того, сейчас у меня есть одно незаконченное дельце.

– Ты точно ненормальный! – Выкрикнула я и, дождавшись, когда он снова повернется ко мне лицом, поднесла ладонь под струю воды и начала с нескрываемой яростью брызгать ею в парня.

Я неплохо постаралась. Помимо одежды умудрилась попасть в лицо, и теперь с его носа свисала крупная капля. Я не удержалась от смеха. Возможно, отчасти это был нервный смех, однако это не помешало ему стать очередным триггером для Ярова, который опять железными клещами сомкнул свои пальцы на моем запястье. Свободной рукой он набрал в ладонь воды и, никак не реагируя на мои попытки высвободиться, залил ее прямо в воротник моей блузки. Это он проделал несколько раз, пока я безуспешно отбивалась. Поняв бесполезность такой тактики, я направила все силы не на оборону, а на нападение, и тоже стала использовать вторую руку, чтобы плескать воду в противника. Вскоре нам уже было всё равно, куда целиться: в волосы, лицо или одежду. Капли воды, которая даже перестала казаться такой уж холодной, летели во все стороны, забрызгивали зеркало и мочили пол. Не знаю, сколько бы продолжалось это противостояние, если бы я не поскользнулась на мокром кафеле. И как бы иронично это ни было, но именно рука Ника, все еще удерживающая мою, спасла меня от удара головой об раковину. Второй рукой он инстинктивно поспешил придержать меня за плечо.

Теперь, когда я обрела равновесие, а этот водный бой прекратился, в воздухе повисла какая-то неловкая тишина, лишь вода всё еще продолжала течь из крана. Все слова казались неуместными. Я оглядела результат своих стараний: волосы Ярова были полностью мокрыми и свисали на лоб, футболка – вся в водяных пятнах. У меня и вовсе мокрым был зад, спина, да и вообще почти вся блузка и часть волос в придачу. Я повернулась к зеркалу, чтобы увидеть пятнышко от потекшей туши в уголке левого глаза.

– Мокрая ты мне нравишься больше, – ехидно заметил Ник, первым нарушая молчание.

Я проследила за его взглядом, остановившимся на моей блузке. Только сейчас я обратила внимание, что влажная ткань полностью просвечивает, позволяя рассмотреть каждый кружавчик и шов на бюстгальтере.

– Вот уж не думала, что ты впервые видишь лифчик! – Парировала я, не желая показывать смущение.

Ник только хмыкнул, расслабленным шагом направился к двери и в последний момент обернулся:

– А тебе прямо жизненно важно, чтобы последнее слово оставалось за тобой, да, староста? – Со смехотцой сказал он и вышел.

– Меня зовут Лера! – Выкрикнула я в пустоту.

Я прекрасно понимала, что никто меня уже не слышит, могла бы и промолчать. Но, кажется, он прав. Сейчас мне действительно хотелось, чтобы последнее слово оставалось за мной.

Глава 7

О том, чтобы все же успеть на последнюю пару, не могло быть и речи. Вместо того, чтобы сидеть и спокойно писать очередную лекцию, я стояла в туалете и уже минут десять пыталась высушить хотя бы часть блузки. Скорее эта еле выдувающая воздух сушилка сгорит, чем я нормально высушусь! Вдобавок ко всему, в туалет постоянно кто-то заходил и с подозрением на меня поглядывал. Все мои попытки – абсолютно бессмысленны! Наилучшим решением сейчас будет потратиться на такси и поехать домой. Я попыталась хоть как-то пригладить мокрые волосы и стереть потекшую тушь, но, не особо в этом преуспев, покинула туалет.

В коридорах во время пары было не оченьлюдно, но это не значило, что по пути мне все равно не встречались редкие студенты и спешащие куда-то преподаватели. Все на меня пялились. Интересно, Ник тоже предпринял тщетные попытки высушиться или как ни в чем не бывало ввалился в таком виде на пару? Я бы ничуть не удивилась, это на него похоже.

Оказавшись на улице, я вышла на университетскую стоянку и стала ждать такси. Погода сегодня была хоть и солнечная, но далеко не самая тёплая, а к вечеру температура и вовсе опустилась до шестнадцати градусов. Так как меня опустили прямо в раковину под струю воды, намокли даже колготки под юбкой, и теперь я чувствовала подступающую дрожь. Четыре минуты в приложении Убера превратились в шесть, потом снова в четыре, затем в пять.

Когда спустя целую вечность машина подъехала куда-то, что в понимании водителя было указанным адресом, я потопала по стоянке, ориентируюсь на значок на карте в приложении. А вот и мое такси! По пути к машине я заметила Ярова, такого же мокрого, как и я сама, быстрым шагом пересекающего парковку. Так же, как и на меня, окружающие странно на него посматривали, не понимая, где он умудрился так промокнуть. Сумку он не рискнул вешать на плечо и аккуратно держал за ремешок. Когда я открывала дверь подъехавшего автомобиля, он как раз нашел свою машину и пикнул ключами на брелке. С сосульками свисающими черными волосами он уже не смотрелся таким дерзким и высокомерным, и я не удержалась от самодовольного смешка. По крайней мере, я не одна оказалась в подобной ситуации! Словно ощутив на себе мой взгляд, он поднял голову, и наши глаза встретились. Похоже, Ника посетили те же мысли, что и меня – мы оба напоминали два промокших под неизвестно откуда взявшимися дождем щенка. И вместо ожидаемого мной уничижительного выражения на его лице, я увидела, как уголки его губ дрогнули в намеке на усмешку.

Водитель, к счастью, не стал ничего говорить или спрашивать, но включил кондиционер на обогрев, за что я мысленно его поблагодарила. За время пути волосы и блузка успели подсохнуть, но плотная ткань юбки все не поддавалась и всё еще была влажной, холодной и неприятно липла к ногам.

Домой хотелось бы попасть максимально незаметно, но я заранее знала, что мне это не удастся. Если папа работал по будням, то мама была дерматологом в частной клинике, у нее сменный график, и сегодня – как раз выходной. Я в очередной раз прочесала пятерней растрепанные волосы, провела пальцами под глазами, оттирая остатки туши и позвонила в дверь. Все мои попытки снова выглядеть как цивилизованный человек, а не вылезший из озера неандерталец с треском провалились, ибо только увидев меня, мама тут же удивленно воскликнула:

– Господи, Лера! Что с тобой такое?

Я столкнулась со своим отражением в висевшем в коридоре зеркале и осталась недовольна: своими усилиями я только размазала тушь по щеке, не говоря уже об остальном...

– Я упала с самосвала, тормозила головой, – с сарказмом вспомнила я детсадовский фольклор, обращаясь то ли к маме, то ли к отражению.

– У тебя что, еще и юбка мокрая? – Залепетала мама, кружась вокруг меня.

– Да... у нас была... пожарная тревога, учебная – ненатуральным голосом объяснила я.

«Что за бред? При чем тут пожарная тревога?» – злилась я на саму себя.

– Так и что, они на тебе пожар тушили что ли?

– Приехала пожарная, – я закатила глаза, будто рассказываю что-то скучное, – они начали что-то там показывать, демонстрировать, выронили шланг, и нас обрызгало. Мам, я пойду переодеваться.

– Ужас, Лер! Ну иди, а то еще простудишься.

Скрывшись за дверь своей комнаты, я облегченно выдохнула. Опять ложь. И ради чего? Хорошо, я свершила свою маленькую месть над Ником, но что дальше? Сложно поверить, что после сегодняшнего он сделает вид, что ничего не произошло и успокоится. И закончилось всё совсем не так, как я ожидала... Еще это нелепое поливание друг друга водой...

После ужина позвонила Катя и завалила дружескими упреками:

– И что это вообще было? Ты можешь нормально рассказать, что случилось-то?

– Да ничего особенного. Я спрятала его сумку, он её нашел, разозлился немного, мы... поругались, вот и все.

Я жала события сегодняшнего дня до размера горошины. Не хочу, чтобы Катя волновалась и снова говорила, что не стоило мне лезть.

– Как это, ничего особенного? Ты убежала с его сумкой, он пошел тебя искать, а потом вас обоих нет на паре. Я, может, переживала за тебя! – Причитала подруга.

– Кать, я же говорю, все нормально. Ну что он мог мне сделать? Если бы случилось что-то плохое, я бы тебе рассказала.

– Тогда почему ты не пришла на пару? Лер, он точно тебе ничего не сделал? – Настороженно спросила собеседница.

– Пока мы выясняли отношения, прозвенел звонок. Не идти же на половину пары!

– И чем закончилось это ваше выяснение отношений?

– Ох, – я зажала переносицу руками и закрыла глаза, – Кать, я и сама не понимаю. К мирному соглашению мы явно не пришли.

– Вот скажи, оно тебе надо было? – простонала в трубку она.

– Да, надо! Я не позволю с собой обращаться так, как он обращается со мной! И вообще, он первый начал. По-твоему, мне надо было это терпеть?

– Поступай, как знаешь, но... Ты ведь не надеешься его перевоспитать?

– Я просто поступила с ним так же, как он со мной, – выдохнула я. – Не хочу рассусоливать это тему. Расскажи лучше, что там на паре было. Я что-то пропустила?

– Ничего такого. Бондарь удивлялась, что тебя нет. Я сказала, что ты в деканате и, возможно, еще подойдешь. Задала с три короба на следующую неделю, – скучающим тоном делилась она, затем вдруг развеселилась: – А, и Игорь все расспрашивал, куда ты пропала!

– Ой, – жалобно протянула я.

– Видела бы ты его лицо, когда ты утащила сумку Ярова. Он всю пару как Хатико смотрел то на дверь, то на твое пустующее место, то на место Ника и пытался что-то сопоставить. Кажется, он опасался, что вы там занимаетесь чем-то не тем, – подруга звонко рассмеялась, – если ты понимаешь, о чем я.

– Какой ужас. Слушай, надо бы подыскать ему девушку, может, хоть тогда он забудет меня.

– Ага, завтра же этим займемся, – фыркнула в ответ Катя.

Мы с ней поболтали еще несколько минут, я спросила, что задали на пропущенной паре, и мы попрощались. Все-таки хорошо, когда можно кому-то выговориться. До Кати у меня особо не было близких друзей, в лучшем случае, хорошие знакомые, но никого, с кем можно было бы поделиться чем-то, о чем не знает больше никто, излить чувства или просто разогнать плохое настроение, болтая о чепухе и обмениваясь шутками, которые не поймут другие.

И пусть сейчас Катя не одобряет мое поведение, все равно приятно, когда кто-то о тебе беспокоится.

На следующий день я поняла, что беспокоилась обо мне не только подруга. Если, конечно, праздное любопытство можно считать за беспокойство. На первую пару мы поднимались в одном лифте с Катей, Мариной и Лизой, яркой общительной шатенкой.

– Лер, ты что ли решила войну с новеньким затеять? – с интересом спросила Лиза, вспоминая мою вчерашнюю кражу сумки на глазах у всего потока.

Марина, до этого придирчивым взглядом осматривающая себя в зеркале, тут же повернулась ко мне, заинтригованная поднятой темой.

– Затееяла это как раз не я, а он – хмыкнула я, не желая вдаваться в подробности. – Так что вчера это была, так сказать, контратака.

– А-а, так у вас, получается, 1:1 теперь?

– Вроде того. Надеюсь, на этом и остановимся.

– Если вспомнить его вчерашнее лицо, когда ты ни с того, ни с сего убежала с его сумкой... Что-то мне подсказывает, что он не захочет останавливаться. Но это было забавно, внесло разнообразие в пару, – засмеялась Лиза.

А как мне было «забавно»...

– Ну, если что, я болею за тебя, – продолжила смеяться девушка и, выходя из лифта, в подбадривающем жесте подняла в воздух сжатый кулак.

На этом вопросы ко мне не закончились. Перед парой к нашей парте подошел Игорь, как всегда с беспорядком на голове, и неуверенно присел на ближайший свободный стул.

– Привет, – слабым голосом поздоровался парень, не решаясь даже поднять на меня взгляд.

– Привет, Игорь, – спокойно ответила я.

– Привет! – Влезла Катя, едва сдерживая смех, за что заслужила от меня пинок под партой.

Не знаю, что ее веселило больше: его бесконечные попытки завоевать меня или же моя реакция на ухаживания горе-романтика.

– Вчера так неожиданно... В смысле, ты ушла... Ты ведь редко пары пропускаешь, – пытался выразить мысль он.

– Ну да, и что?

Говорила я очень сухо, что, может, и было ужасно некрасиво и невежливо с моей стороны, но на мой взгляд, каждый человек должен иметь право выбора относительно того, с кем ему общаться. И ладно бы, дело было только в общении, но ведь Игорю явно было нужно не только оно. Что нужно мне, его не особо заботило – ему казалось, он знает это лучше меня самой.

– А Катя сказала, что ты в деканате была... – продолжал он.

Я выжидающе смотрела на него, пока он ходил вокруг да около. Очевидно, он никак не мог понять, какие отношения связывают меня и Ярова и связывают ли вообще. Кстати, о Яrove...

Вальяжной, неспешной походкой тот как раз заходил в аудиторию. В мусорное ведро у входа полетел только что затушенный бычок. Скользящим взглядом он без интереса обвел присутствующих. Игорь неотрывно смотрел на парня, затем снова взглянул на меня, затем снова – на Ника.

– Так ты была в деканате или нет? – Как-то громко, резко и слишком нервно выпалил Игорь.

– Предположим, была. Какая разница?

Какое-то время Игорь молчал, затем с презрением стрельнул глазами на нас с Катей.

– Зачем вы врете?! – Вдруг взорвался он. В его голосе раздражение мешалась с безнадеей. – Ни в каком деканате ты не была! Зачем это говорить? Думаете, я слепой?!

На этом моменте я поняла, что плотно сжимаю зубы от возникшей в ходе разговора злости. Он что, хочет, чтобы я отчитывалась перед ним? А если бы меня всю пару тошнило в туалете, я тоже должна была сообщить ему? Даже если предположить, что мы с Ником занимались, как вчера выразилась Катя, «чем-то не тем», его это не касается никаким боком. В ответ я могла бы просто прогнать Игоря или начать с ним ругаться, но в голову пришла идея получше.

– Хорошо, я не была в деканате, – елеинным голоском заговорила я и придвинулась ближе к Игорю, – вчера на последней паре я была с Никитой.

Не то чтобы это была откровенная ложь. Я специально назвала его именем, которым не называл никто. Пожалуй, только преподаватели. Когда же сам Ник проходил мимо нашей с Катей парты, я посмотрела прямо в его пронзительные холодные глаза, дерзко улыбнулась и подмигнула. Этим «выстрелом» удалось убить сразу двух зайцев. Во-первых, поверив, что его худшие опасения подтвердились, Игорь покраснел, как брошенный в кипящую воду рак, шумно задышал, рывком встал, чуть не опрокинув стул, и наконец зашагал к своему месту. Во-вторых, хотя я этого и не планировала, так без единого слова сказала Ярову: «Делай, что хочешь. Я тебя не боюсь». В ответ он лишь слегка приподнял брови, будто спрашивая: «Серьезно?», и уселся прямо позади меня.

На протяжении всего дня его взгляд прожигал мне спину. Еще подозрительнее было его непривычное спокойствие: ни одного пререкания, ни одной попытки завести спор с кем-то из преподавателей или сорвать занятие, лишь постоянное черкание карандаша о бумагу, слышимое только тем, кто сидит рядом. Да что он там вообще делает?

На переменах рядом с ним терлась Марина, которая, стоило Нику только приобнять ее за плечо или включить проникновенный голос, готова была написать за него часть лекции или сбегать в магазин за водой. Некоторые другие девчонки тоже не переставали кружить вокруг него, словно рыбы-прилипалы, кормом для которых служили шутки, да и вообще, любые слова Ярова.

На одном из перерывов мы с Катей шли по коридору в сторону лифтов и как раз проходили мимо такой собравшейся вокруг сидящего на подоконнике Ника стайки однокурсниц и пары однокурсников. Он отпускал саркастичные комментарии в их сторону, а они хлопали глазами и радовались уделенному вниманию.

Ник что-то говорил. Ему что-то отвечали. Кто-то хихикал. Но несмотря на затронувшую губы улыбку, взгляд его был направлен мимо всех окружающих, куда-то внутрь себя. На секунду он поднял глаза на нас с подругой, и меня пробрало странное чувство. В этих глазах я увидела что-то темное, навевающее ассоциации с недостижимыми океанскими глубинами, куда не проникает солнечный свет.

«Ему так скучно» – вдруг пронеслось у меня в голове. И это была не простая скука, вызванная не самым интересным разговором, а что-то, чему я пока не могла подобрать название. Он выглядел так, будто сам был не в состоянии понять, почему все эти люди вообще его окружают, зачем слушают и что в его словах заставляет их смеяться.

Как только прозвенел звонок с последней, четвертой, пары, и преподавательница попросила сдать домашние работы, Ник молча закинул сумку на плечо и направился к выходу. Когда ему вслед понеслось что-то вроде: «звонок для учителя», он, даже не оборачиваясь, беспечно ответил, что после звонка наступает его личное время, и никто не имеет права его задерживать.

Некоторые преподаватели еще пытались вразумить неуправляемого ученика: кто-то повышал голос, кто-то – выгонял. Но большинство из них успело понять всю бесполезность этой затеи, и теперь они лишь цокали языками, поджимали губы и качали головами, бросая в воздух угрозы насчёт несдачи предстоящих зачетов или напоминая о своем присутствии в комиссии на госэкзаменах в конце года. Нику, конечно, было плевать, и, скорее всего, не существовало в этом мире ничего, что могло бы заставить Ярова вести себя прилично.

Совсем скоро мне «посчастливилось» узнать, что же он там черкал у себя в тетради.

Глава 8

В четверг выдавали проверенные работы по политологии. На максимальный бал я, конечно, не рассчитывала – получить его у Манцева было все равно что попробовать угнаться за поездом.

Это был грузный, тяжело и громко дышащий лысый мужчина, который постоянно промакивал лоб платочком и бубнил себе что-то под нос. Все знали: если даже ты выучишь наизусть весь учебник и расскажешь ему, он лишь пробормочет что-то вроде «почти правильно» и снизит оценку на пару баллов. Мы с однокурсниками даже шутили, что чтобы решить, сколько баллов поставить за ту или иную работу, он под партой каждый раз подбрасывает кубик. Какое выпало число, столько баллов тебе и суждено получить. Однако нам повезло, что он, по-видимому, был слишком ленив, чтобы возиться с нашими пересдачами, и каким-то чудом абсолютно у всех к концу семестра набирались заветные пятьдесят баллов, которые означали, что у тебя в кармане уже есть тройка, и если ты не претендуешь на большее, можешь дальше особо не стараться. Поэтому и сейчас за свою работу я не переживала.

– Так... значит... вот... – кряхтел преподаватель, зачитывая оценки и выдавая работы, – Евсева... тут на три балла. Так... далее...

Все постепенно разбирали свои работы, как всегда, не особо довольные полученными оценками. Только лицо развалившегося на стуле Ника, как я сейчас заметила, выражало неуместное для такой скучной пары веселье. Он беззаботно крутил между пальцами ручку и, склонив голову, с интересом наблюдал за преподавателем.

– Дальше у нас... Яров. Шесть баллов. Нормально.

Не может этого быть! Максимум за это задание – семь баллов! И этот бездельник получил шесть?!

Да и «нормально» в устах Манцева означало наивысшую степень похвалы.

– Новичкам везет... – послышался с задних парт чей-то комментарий.

– Это несправедливо, – прошипела я Кате.

Она пожала плечами:

– Может, мы чего-то о нем не знаем.

Ник неторопливой походкой подошел к столу и взял свою работу, чтобы тут же, не глядя, выбросить ее в мусорку.

Оставалось не больше пяти невыданных работ, в том числе, моя. С каждой секундой улыбка на лице Ярова становилась всё нетерпеливее и шире. У меня закралось нехорошее предчувствие.

Осталось четыре работы. Три. Вот Манцев отдал последнюю работу, оставив мою напоследок. Он неуклюжее перелистнул какие-то страницы, уставился на листы бумаги у себя в руках, будто плохо видел написанное, и долго их рассматривал, затем открыл рот, собираясь что-то сказать, но тут же закрыл и покачал головой. Ой, не нравится мне это.

– Зима! – Мне казалось, что кроме голоса преподавателя в аудитории стихли все звуки, – Валерия... Что Вам сказать...

Манцев небрежно пролистнул страницы. Помолчал. Зачем же так тянуть?

– Таковую работу мне приносят впервые, – он недовольно отбросил мое задание на край стола. – Я Вам скажу так. Я юмор люблю, но в нужное время и в нужном месте. Ноль баллов. Забирайте, – отмахнулся он.

Не помню, чтобы когда-то его голос звучал так жестко.

На ватных ногах я поплелась к преподавательскому столу. Пока шла обратно, поймала на себе провожающий взгляд Ника, самодовольный и острый, как нож. Он даже не пытался

скрыть, что что-то сделал с моей работой. Наоборот, всем своим видом молчаливо кричал о своей причастности.

Только когда я буквально рухнула на свой стул, решила посмотреть, что же не так.

– Что там такое? – Катя тоже склонилась над принесенными мною бумагами и сосредоточено их изучала.

На первый взгляд, ничего необычного или ужасного. Я листала дальше.

Краем уха слышала прозвеневший звонок, слышала, как Манцев говорит, что занятие окончено, но все это отошло на второй план. Теперь я увидела, что не так. В самом конце скрепкой к остальным листам работы был прикреплён ещё один, явно не моего авторства.

На нём красовался карандашный рисунок, изображающий Манцева во весь рост. Голого.

Первой промелькнувшей в голове нелепой мыслью было: «Неужели это Яров нарисовал?». Рисунок выглядел невероятно реалистично: преподаватель в позе статуи Давида загадочно смотрит вдаль, в руке – учебник по политологии, живот мешком повис над... половым органом, приуменьшенным, как у греческих статуй.

– Ого, это...

Катя не нашлась, что и сказать, и прикрыла рот рукой, пытаясь сдержать смех.

– Не смешно! – Отрезала я. – Манцев теперь думает, что это я нарисовала!

На смену удивлению пришел бессильный гнев, который я собиралась выразить, разорвав гадкий рисунок на множество мелких частей, когда заметила спешащего в нашу сторону Ника.

– Слушайте, – обратился он к уже постепенно выходящим из аудитории однокурсникам, – мне даже любопытно, как наша замечательная староста умудрилась написать работу хуже всех. Дай-ка посмотреть, а? Не хочется в будущем допустить те же ошибки.

Его голос, несмотря на показную дружелюбность, сочился сладким ядом. Он схватил мою работу, я же быстро дернула ее на себя, так что теперь мы держали её с обеих сторон, стараясь перетянуть каждый в свою сторону. Наш любопытный поток пока передумал уходить, и многие застыли в дверях, наблюдая за представлением.

– Не трогай!

– И чего это ты так боишься?

На этих словах он все же вырвал у меня домашнее задание и стал с интересом листать, уворачиваясь от моих нападков.

– М-м... староста, – лукаво протянул он, добравшись до последнего листа, – я и не думал, что у девушки с такой холодной фамилией такие горячие мысли.

Я потянулась, чтобы вырвать у него листок с рисунком, но он поднял руку вверх, так что тот оказался для меня вне досягаемости.

– Постой, постой. Наши любимые однокурсники знают, что у тебя такой талант к рисованию? – Он вскинул голову в сторону наблюдающих, – Вы просто обязаны это увидеть!

– Понятно же, что это твоя очередная идиотская шутка! – Выпалила и сложила руки на груди.

Если буду прыгать вокруг этого листа как собачонка, может показаться, что мне действительно стыдно. Пусть стыдится художник!

– Моя? – Невинно спросил он. – Зачем же мне рисовать голых мужиков?

После этой фразы интерес окружающих мгновенно усилился, и некоторые стали подходить ближе, крутить головами, чтобы рассмотреть, что держит в руках Ник, почему это оказалось в моей работе и какое имеет отношение к голым мужикам.

– Неужели ты думаешь, будто никто не поймёт, что это твоих рук дело? – Нарочито громко сказала я, чтобы донести до слуха однокурсников этот очевидный факт.

Тогда Ник резко приблизил ко мне лицо, на котором не осталось и намёка на улыбку, и прошептал:

– Они прекрасно это понимают. Им просто нужно зрелище. Разнообразие. Повод для сплетен. Им неважно, что ты этого не делала.

– Ох, е-мое! Лера, да мы многого о тебе не знали! – Засмеялся Саша Семенов, успевший перехватить рисунок из рук Ника.

Теперь все столпились вокруг него, стали раздаваться все новые смешки и восклицания:

– Фу, мои глаза! Как это развидеть?

– Я бы на месте Манцева поставил тебе все семь баллов!

– Лерка, только не расстраивайся, что он тебя отверг. В мире еще много лысых толстых мужчин!

– Лер, а меня нарисуеть? Или ты только по преподавателям?

Все они по-дружески подшучивали надо мной, здесь не было никакой злобы, но я знала: эту шутку мне будут припоминать до конца года. А как теперь ходить на пары по политологии? Однокурсники смотрели на лист бумаги и продолжали всячески выражать свои эмоции по поводу увиденного, в то время как Ник оперся на парту и вперил свой взгляд в меня. Ему хотелось видеть мое негодование, возмущение или хотя бы стыд. Ради этого все и затевалось. Что ж, не дождется.

– Катя, а как тебе рисунок твоей подруги? – С вкрадчивым спокойствием поинтересовался Яров.

– Очень... – Помедлила Катя, подбирая слова, – талантливо.

Мне порядком надоело участие в этом цирке, поэтому я сказала подруге, что подожду её в коридоре, собрала вещи и направилась к выходу. Уже возле двери услышала противное хихиканье Марины:

– Похоже, теперь счет 2:1. Ты проигрываешь, Лер.

– Не волнуйся, наверстаю, – бросила я в ответ угрюмо.

Оказавшись наедине, я позволила себе выплеснуть сдерживаемый гнев и ударила носком в стенку. Больно, бесполезно и глупо. Нельзя позволять какому-то идиоту выводить меня из себя. Надо успокоиться. Вдох. Выдох. Ничего такого не произошло. Просто шутка.

Через минуту вышла и Катя, и мы в непривычном молчании направились на следующую пару.

– Неужели ты даже ничего не скажешь? – Не выдержала я, когда тишина становилась гнетущей.

– Например?

– Например, что я сама во всём виновата, не стоило его злить, и вообще, нужно было быть тише воды, ниже травы, – скептически перечисляла я.

Катя смотрела перед собой и, казалось, была погружена в свои мысли. Или злилась на меня.

– Это же твой выбор, Лер. Я просто дала тебе совет. Ты выучила гражданку?

Меня немного удивила столь резкая смена темы, но я была только за.

– Очень пыталась, – невесело, зато честно ответила я.

Семинар по гражданскому праву стоял следующим по расписанию, а значит, останется не весь поток, а только наша группа, которая и подвергнется долгим и нудным расспросам со стороны Карпова.

Вскоре после нас с Катей пришел Яров. Как «повезло», что наша группа – самая маленькой, и было решено перевести его именно к нам! Он кинул сумку на парту и тут же вышел. У меня вдруг начала зарождаться одна мысль.

Подруга, должно быть, уловила тень хитринки, появившуюся на моем лице, потому что с подозрением спросила:

– Так, что ты опять задумала?

Я повернулась к ней и улыбнулась:

– Этот рисунок подкинул мне Ник, так?

– Ну да, и что? – Нахмурилась Катька.

– Ты ведь тоже слышала, как он постоянно сидит на парах и что-то бесконечно черкает карандашом? – Объясняла я воодушевленно, активно жестикулируя. – Я не задумывалась, что он там делает, но сейчас очевидно, он там еще что-то рисует.

Катя смотрела на меня, как на умалишенную.

– И?

– Что «И»? Я найду его другие рисунки, покажу остальным, мы все вместе оценим схожесть стилей этих рисунков с рисунком голого Манцева, и все поймут, что эту мерзость рисовала не я, а Ник!

– Ох, Лер, – вздохнула Катя, – зачем? Вряд ли кто-то всерьез думает, что ты сама это нарисовала и сама же сдала вместе с домашкой.

– Да, но они будут шутить об этом до скончания веков! Придумают какую-нибудь дурацкую кличку!

Не успела Катя и рта раскрыть, как я уже подкралась к сумке Ярова, собираясь достать оттуда тетрадь или блокнот с остальными рисунками. Подруга же была прямо у меня за спиной, готовая отговаривать.

– Ты будешь копать в его сумке? – Вскинув свои изящные темные брови, спросила она. – Это же личные вещи, это как-то...

– Его это не останавливало! – Прошипела я, однако все равно помедлила.

Я все-таки не такая же сумасшедшая, как Ник, и хоть иногда привыкла задумываться над своими поступками. Казалось, я перехожу какую-то границу. Раздумья в один момент оказались отброшены, когда из коридора послышался его голос. Несколько секунд, и будет уже поздно.

Долго искать не пришлось, ибо кроме единственного черного блокнота в сумке не было ни одной тетради или учебника. Мои пальцы забежали по желтоватым, чуть шершавым страницам. Увиденное заставило меня замереть и забыть, зачем я вообще открыла этот блокнот. В начале шли различные карандашные наброски: груша, тетрадь, банка из-под газировки, карандаши, книга. Далее рисунки усложнились. Здесь были детально прорисованные кисти рук, носы, глаза, грустные, задумчивые и удивленные, губы, скривленные в недовольстве или чуть улыбающиеся. Некоторые рисунки, казалось, затесались в блокноте случайно, и иногда сложно было понять, что именно заставило автора изобразить ту или иную вещь. Это был целый, рожденный карандашом, мир, в котором смешивались случайные предметы, явления и люди. Несколько раз попадалась собака с добрыми глазами, ее ушей слегка коснулся темно-коричневый цвет, окно с развевающимися прозрачными шторами, за которым виднелось бесконечное, с синим оттенком, ночное небо, непохожие друг на друга люди. Лица некоторых были словно смазаны, а некоторых – и вовсе перечеркнуты жирными яростными штрихами. Редко карандашная серость разбавлялась розоватым румянцем, зеленью, голубизной или чернотой глаз.

Пачка сигарет с нечеткой, слишком яркой и цветной картинкой для отпугивания покупателей. Серые грозовые тучи. Громоздкая башня из огромных, затянутых паутиной, учебников, из-под которых тянулась рука, пытающаяся отыскать путь к свободе. Стодолларовая купюра, с нее, вместо Франклина, смотрел клоун с зеленым носом.

Нашлось и изображение какой-то аудитории нашего университета, где за партами сидели не люди, а размытые тени. На одной из страниц даже красовалась наша Дракониха с перекошенной от гнева смешной физиономией. Из открытого рта шел красноватый огонь, а ее платье с фирменным высоким воротником, нарочно сделанным автором еще выше и шире, состояло из чешуек. Я не удержалась от смешка.

Я собиралась громко объявить однокурсникам, что разоблачила автора рисунка Манцева, гордо продемонстрировать найденный блокнот, чтобы все убедились, что стиль один и тот же. Одним словом, еще одна детская бестолковая попытка переиграть Ярова. Но я так и не смогла раскрыть рта. Не могла шутить над этими рисунками. Теперь мне еще больше, чем прежде стало казаться, что я пересекла какую-то невидимую черту. С первого дня во мне поселилась уверенность, что в Никите нет ни капли душевной глубины, а за шутовской маской скрывается лишь пустота. Но эти рисунки... В них была и душа, и эмоции, и кусочек самого себя. Это открытие почти заставило меня отложить блокнот в сторону, так никому ничего и не говоря.

Только мои пальцы остановились на обложке, чтобы захлопнуть блокнот и вернуть его в сумку, как наблюдающая из-за плеча Катя, за все это время не вымолвившая ни слова, осторожно ткнула меня в бок.

– Лер... – Позвала она.

Я подняла глаза и увидела в дверном проеме Ника. Он стоял абсолютно неподвижно, ладони на секунду сжались в кулак, зубы стиснуты так, что желваки заходили, в глазах – сплошная ярость. И ярость эта не шла ни в какое сравнение с той, что была, когда я утащила в туалет его сумку.

Ой.

Глава 9

В мгновение ока Яров оказался рядом. Грубым сильным движением он вырвал у меня блокнот, в который я только крепче вцепилась от испуга при виде охватившего его гнева. В руке у меня осталось несколько страниц, вырвавшихся из скетчбука от резкого движения Ника.

– Ты... – прорычал он, склонившись надо мной.

Его лицо было так близко, что я чувствовала жар его дыхания. Как бы он не начал дышать огнем подобно нарисованной им Драконице... Силой воли я заставила себя не отступать. Несколько сидевших в аудитории человек снова наблюдали за нами.

– Ты понимаешь, что у моего терпения есть границы?

Слова застряли где-то в горле. Хуже всего то, что я действительно испытала раскаяние из-за того, что взяла этот проклятый блокнот, и ничего не могла с этим поделать. Если бы я все же окунула его сумку в унитаз, и то испытывала бы меньше угрызений совести. Отразившаяся на его лице гримаса жестокости, неуправляемого гнева, от которого хотелось попятиться и убежать, только подтверждала, что я залезла туда, куда не следовало.

«Какие, к черту, угрызения совести?» – Отдернул меня внутренний голос. – «Он их явно не испытывал, когда ставил тебя в дурацкое положение». Да и не делала же я ничего настолько ужасного.

– Я просто хотела... – начала я мямлить слишком тихо и попыталась добавить в голос невозмутимости и уверенности, – Я не сделала ничего такого, чтобы ты так на меня бесился!

– Блять... – выплюнул он, отвернувшись, и швырнул свой блокнот в мусорку.

Больше ничего не сказав, он схватил сумку, на ходу бросил в мусорку горящую зажигалку и буквально вылетел из аудитории.

На миг установилась звенящая тишина, все переваривали только что увиденное. Наверно, эта тишина затянулась бы подольше, если бы не полыхающая мусорка, из которой стал валить едкий дым. Одноразовники тут же засуетились, сработала пожарная сигнализация, кто-то кинул влажную тряпку, лежавшую возле доски, но это не слишком помогло. Быстрее всех сориентировалась Катя, которая вылила свою бутылку воды на горящий мусор.

– Так, я не поняла, и какой теперь счет? – С иронией в голосе спросила Лиза, разгоняя дым тетрадкой, – 2:2? 3:2? Кто побеждает-то?

– Думаю, это не считается, – бесцветным голосом ответила я.

Объяснять кому-то, что такой исход никак не входил в мои планы и что я всего-то хотела избавиться себя от возможных шуток, я не считала нужным.

– С вами теперь один день веселее другого, – прокомментировал Паша. – Вот уж не думал, что у кого-то возникнет желание бросать вызов этому Нику.

– Не всем же бегать за ним по пятам, восхищаться каждым его словом и смеяться над каждой шуткой! – Парировала я с колкостью, необоснованной ничем, кроме моей нервозности, коей меня сполна одарил сегодняшний день.

Когда прозвенел звонок, я осознала, что по-прежнему сжимаю вырванные из блокнота листы. Поддавшись любопытству, взглянула на них.

И какого было мое удивление, когда я обнаружила, что один из рисунков изображал... меня.

Здесь я из-за спины глядела на смотрящего, в глазах плясали искорки озорного блеска, волосы, рассыпающиеся по плечам, напоминали шелк и почему-то имели голубоватый оттенок. Того же небесного цвета были мои губы и легкий румянец на щеках. И кружащие в воздухе снежинки. Красиво. Даже очень. Если бы не две толстые черные перекрещивающиеся полосы, как бы перечеркивающие мой рисунок. Похоже, кое-где автор так сильно надавил на карандаш, что на бумаге осталась дырочка.

Почему-то мне не хотелось, чтобы рисунок увидела Катя, и я поспешила его свернуть, но она уже заметила, и на ее лице отразилось удивление.

– Ой, он, наверно, на тебя очень злится, раз сделал это, – она кивнула на зачеркивающие линии.

– Думаешь? – Спросила я отрешенно. – Ну да, наверно.

От дальнейших разговоров меня спас вошедший Карпов. Впервые я радовалась началу пары и посыпавшимся на нашу группу вопросам преподавателя. Этот блокнот, который мне вздумалось рассматривать, особенно последний рисунок, оставили странное послевкусие. И мне не хотелось об этом ни с кем говорить. Но и выкинуть это из головы тоже не получалось.

Вечером, разбирая сумку, я достала уже чуть помятый листок, откуда на меня смотрела моя же копия, удивительно живая и как будто скрывающая какую-то тайну. Рука не поднималась выбросить такой рисунок, даже если его автором был кто-то вроде Ярова.

В голове до сих пор не укладывалось, что он мог создавать нечто прекрасное. Я попыталась представить, как он сосредоточенно выводит карандашом каждую линию, рисуя не просто что-нибудь, а меня. Как думает над ракурсом, выбирает оттенок для моих волос, придает загадочный блеск глазам. Сколько раз ему пришлось посмотреть на меня, чтобы добиться такой схожести? Что он чувствовал, когда рисовал?

Я вложила лист в первый попавшийся учебник, громко его захлопнула и отложила подальше. Этот чертов рисунок, да и вообще все, увиденное в черном блокноте, заставляло меня слишком много думать о Нике! И мешало мне его ненавидеть с прежней силой. Легче было считать его бездумным и бездушным шутком, а теперь... Сама не понимаю, что теперь.

Одно было понятно наверняка – за каждую мою попытку поставить его на место он будет наносить ответный удар. А если вспомнить его сегодняшней гнев, становилось очевидно, что он снова захочет мне насолить.

Я принялась отчаянно зубрить лекцию на завтрашний семинар, чтобы выгнать мешающие мысли из головы, и на несколько часов это даже помогло. Сдалась я, уже находясь в кровати со слипающимися от раннего подъема глазами. Назойливые размышления о прошедшем дне, словно рой жужжащих, мешающих заснуть пчел, заполнили сознание. В конце концов, я не удержалась и, ругая себя, открыла «ВКонтакте» и нашла страницу Ярова. На несколько секунд задержалась на единственной его фотографии. Лицо склонено чуть вниз, от длинных черных ресниц на щеки падает тень, слегка волнистые волосы, которые и добавляли в его внешность нечто ангельское, падают на лоб. Против воли мне представилось, какого было бы провести по ним рукой, запутаться в темных, наверняка, невероятно мягких, кудрях. От этой мысли внизу живота потеплело. Нет, еще чего не хватало! Я приказала своему глупому телу слушать голос разума, а не вестись на обложку, пусть даже и очень красивую. Поспешно закрыв фотографию, я пролистала страницу дальше, пока не наткнулась на общих друзей. Подумать только! Да здесь почти весь поток, даже Катя! Во мне разгорелась маленькая искорка злости на подругу, но я постаралась ее затушить. Как никак, она-то с ним не ведет никаких войн, для нее он просто однокурсник.

Однако когда я закрывала приложение, когда откладывала телефон и когда ворочалась в кровати в попытках заснуть, эта искорка все еще оставалась внутри.

В пятницу я проснулась абсолютно разбитой. Я не выпалась, плохо подготовилась к семинару и мучилась переживаниями из-за того, что сегодня может учудить Ник мне в отместку. Все, чего мне хотелось – просто притвориться заболевшей и остаться дома, чем я несколько раз злоупотребляла в школе. Отлично, повторяется все та же история! Нет, я ни в коем случае не стану прежней пугающейся всего тихоней-Лерой.

Как ни странно, пятница оказалась самым обычным, даже скучноватым, днем. Суббота – по ней мы учились раз в две недели – тоже не сильно отличалась. К счастью, Ника распределили не в мою группу по английскому, так что целых две пары подряд мне повезло не видеть его

лица с вечной жестокой улыбкой на нем. Лишь приукрашенные перлы однокурсников о его поведении доходили до моего слуха. Хотя дальше мое везение иссякло, и оказалось, что Яров взял тот же предмет по выбору, что и я, день прошел вполне спокойно.

Даже следующая неделя не принесла ничего неожиданного: лекции, семинары, домашние задания. Однокурсники, поначалу еще интересовавшиеся состоянием нашей «войны» с Яровым, постепенно стали забывать о ней. Игорь, заметивший, что мы с новеньким никак не контактируем, снова стал милым, дружелюбным и невероятно надоедливым. Манцев на паре по политологии сделал вид, что меня не существует.

Ник продолжал игнорировать почти все университетские правила и один раз даже успел побывать за это у декана. Не сказать, чтобы это как-то изменило его поведение, но меня он, по крайней мере, не трогал.

А еще он больше не рисовал. Неужели из-за меня? Вдруг я отбила у него желание развивать в себе единственную хорошую сторону, которая у него имеется? По факту, меня вообще не должно это волновать. Главное, что Яров отстал от меня. Наверно, понял: если он не лезет ко мне, я не буду лезть к нему. Хороший взрослый подход.

Я перестала каждый день ожидать какого-то подвоха и наконец немного расслабилась. Как оказалось, зря.

Глава 10

Воздух с каждым днем становился все прохладнее, а свинцовые осенние тучи все чаще затягивали небо, превращая мир в сплошную серость. Прошла самая легкая пора, когда все пытаются войти в рабочий ритм, преподаватели задают мало и иногда даже отпускают пораньше. Жизнь снова пошла своим чередом, монотонная и размеренная. Наверно, это было неплохо, но сейчас, когда неприятным дождливым утром я шагала к дверям университета, окруженная такими же, как я, сонными, еле плетущимися студентами, душа просила хоть о каком-то ярком впечатлении. А ведь не прошло и месяца с начала сентября!

Первая пара с тихо бормочущим лекцию преподавателем едва не вогнала весь поток в сон, и теперь, сидя на следующем занятии, я, как могла, пыталась взбодриться, чтобы повторить текст подготовленной презентации. Я слишком много сил потратила на нее, чтобы потратить баллы из-за того, что читаю со слайда, а не рассказываю наизусть.

– Давайте начнем с презентаций, – сухим голосом промолвила высокая и худая, как палка, Маргарита Леонидовна. – Желающие есть?

– Да, – неожиданно для всех ответил Ник.

Преподавательница, уже прекрасно знакомая с характером Ярова, смирила его недоверчивым взглядом, но, тем не менее, сказала:

– Что ж, включайте. Нам будет очень интересно посмотреть.

Это было действительно странновато. Ник, как я заметила, никогда не отвечал устно, лишь сдавал письменные работы, и то не всегда. За них он получит ровно столько, чтобы дотянуть до пятидесяти баллов и не вылететь из ВУЗа за кучу несданных предметов. Что же вдруг побудило его ответить сейчас?

Он деловито развалился за компьютерным креслом, вставил флешку. На проекторе открылась моя презентация.

– Это моя презентация! – Возмущенно прошептала я Кате.

– Ты уверена?

Я метнула на нее сердитый взгляд:

– Я потратила на нее четыре часа, я очень хорошо помню, как она выглядит!

Ник невозмутимо стал читать презентацию. Мою! Все время он смотрел только на меня, будто других людей и не было в аудитории. Конечно, нравится ему, наверно, видеть, как краснеет мое лицо от раздражения и осознания собственной непроницательности. Дура, поверила, что он даст мне спокойно жить, когда я осмелилась его злить! А он всю прошлую неделю занимался тем, что усыплял мою бдительность.

Я не выдержала и показала ему язык, вложив в это действие все свое негодование. Уголок его губы дрогнул в довольной улыбке, словно он вот-вот рассмеется.

Маргарита Леонидовна лишь удовлетворенно кивала головой. Когда он закончил, ее тон смягчился:

– Ну вот, можете же, когда захотите. Снижаю балл за то, что читали, но в целом очень достойно.

– Благодарю, я *очень* старался, – сказал он, всем своим видом источая открытость и дружелюбие.

– Цирковое училище просто плачет по такому способному ученику, – фыркнула я, обращаясь к Кате.

– Что ты скажешь, когда тебя вызовут? – Спросила она.

– Да что я могу сказать? Извините, у меня украли презентацию? Чушь какая-то, она не поверит.

Естественно, я оказалась права. Когда очередь дошла до меня, я соврала, что потеряла флешку, на что преподавательница скривила губы и выразила свое разочарование во мне.

– Принесете домашнее задание в следующий раз, но уже в любом случае получите на три балла меньше.

Отлично. Ноль баллов по политологии у Манцева, теперь еще и сниженный балл по криминалистике!

На последней паре Ника не было, зато я нашла у себя на парте записку, на которой лежала моя флешка.

«Спасибо за презентацию. Хотя оформление – ужасно. Надеюсь, в следующий раз ты постарайшься лучше.

P.S.: Фотографии с моря – огонь, мне понравился красный купальник. Я сохранил себе пару фоток.»

Вот же блин! На этой флешке была куча фотографий с лета, когда мы с родителями ездили в Сочи, и я совсем не предполагала, что их увидит кто-то, кроме меня, моей семьи и, может, Кати.

Внизу на записке более мелким почерком значилось еще кое-что:

«3:1»

Ну конечно, наш, так называемый, счет.

Я смяла записку. Увидев непоколебимую решимость на моем лице, Катя с недоверием спросила:

– Ты же не собираешься опять...

– Собираюсь! – Отрезала я, не давая ей договорить. – Еще как собираюсь.

Самое худшее, что пока я потратила пару дней, чтобы разработать план мести, Яров успел провернуть ту же самую шутку еще два раза. Я и подумать не могла, что он будет повторяться в своих подколах, и опять усыпила бдительность! После презентации он украл мою письменную домашнюю работу и получил высший балл. Дальше я была предельно внимательна, держала свою сумку рядом с собой и проверяла перед каждой парой, ничего ли не пропало.

Вот и сейчас я быстро удостоверилась, что мой доклад на месте и спокойно стала ждать начала пары. Ник опять вызвался в числе первых, вышел с планшетом, что мне показалось хорошим знаком и... слово в слово зачитал мою работу! Да как так-то?! Ладно, если бы мы оба просто скачали одинаковый доклад из интернета, но нет, я писала все сама. Он каким-то образом успел сфотографировать мою работу и опять выдать за свою!

После пары я решительным шагом подошла к его парте, спрятала эмоции за маской невозмутимости, сложила руки на груди и холодно спросила:

– У тебя что, фантазия так быстро иссякла?

– Дорогая, моя фантазия безгранична, – проворковал он, отчего его голос стал еще более глубоким, – но тебя так легко провести, что нет смысла даже напрягаться. Но не волнуйся, мы не будем считать повторения, так что счет по-прежнему 3:1.

Он легонько ткнул меня пальцем в нос, будто я была маленьким смешным ребенком. Я резко перехватила его руку.

– Еще раз назовешь меня дорогой...

Я все еще крепко держала его ладонь, чтобы он не смел меня трогать, но он, сохраняя раздражающее спокойствие, лишь сжал мою руку и потянул на себя, так что я чуть не стукнулась об его грудь.

– И что ты сделаешь? – Прошептал он приторно, не отпуская мою руку.

От ощущения наших сомкнутых пальцев, моей маленькой ладони в его большой, теплой и на удивление нежной, меня накрыло какое-то будоражащее чувство. Только сейчас я осознала, что задержала дыхание

– Уж явно придумано что-то оригинальнее, чем ты! – Выдала я на выдохе.

Он медленно, будто издевался, провел рукой до самого моего локтя, отчего по моей коже будто прошел ток.

– Буду ждать с нетерпением, – произнес он с фальшивой ласковой интонацией, – дорогая.

Я стремительно отвернулась, схватила сумку и вынеслась из аудитории, шумно дыша и даже не удосужившись подождать Катю.

Она нагнала меня в коридоре.

– Лер, подожди, куда ты несешься? Да подожди же!

– На следующую пару! – Как-то чересчур нервозно ответила я.

– Что это сейчас было?!

– Ничего.

– Лер, – она остановилась посреди коридора и теперь выжидающе смотрела на меня.

Я тоже остановилась и громко цыкнула.

– Ничего нового не было, Кать!

Я продолжала злиться, сама не понимая на что. Уж не на себя ли?

– Я пыталась уточнить, сколько еще мне терпеть его дебилские умственно отсталые шутки.

– Слушай, ну ты же сама даешь ему повод.

Ответить мне помешал подбежавший к нам Игорь.

– Лера, у тебя все хорошо? Если этот Яров тебе что-то... если он... ты скажи, я... – мямлил парень, глядя в пол

Я подняла глаза к небу и буквально взвыла.

– Да вы что, все издеваетесь, что ли? Яров, Яров, Яров... Как будто других тем нет! Если вам так интересно, что он там сказал, сделал или подумал, общайтесь с ним.

Я рванула вперед, оставляя и Катю, и Игоря позади.

Только добежав до следующего этажа, я сбавила скорость, привела дыхание в норму и поняла, что зря вспылила. Мне задали обычный вопрос, а я так накинулась. Правильно говорят: с кем поведешься, от того и наберешься. Вот и я с этим Яровым сама становлюсь сумасшедшей!

– Кать, извини, я просто... – начала я, когда мы с подругой снова оказались за одной партой.

– Ничего, все нормально. – Отрезала она.

По ее лицу было видно, что она еще обижается. За всю пару мы не сказали друг другу ни слова.

Просто замечательно. Из-за глупых перепалок с Ником теперь я хуже учусь, преподаватели не устают говорить, что не ожидали от меня такой безответственности, каждый день вру родителям, что в университете все отлично, ругаюсь с лучшей подругой, а сама превращаюсь в истеричку.

Зато сам он сохраняет безмятежность и отличное настроение. Желание подпортить ему жизнь нарастало с новой силой.

Глава 11

План мести возник в голове спонтанно, и теперь мысль о его осуществлении делала день гораздо лучше. Осталось только дожидаться пятницы. На этот день нам снова задали сделать презентации по одной из выбранных для чтения книг по философии.

В этот раз я не стала охранять сумку или прятать флешку. Даже наоборот, специально положила ее на парту и предложила Кате прогуляться до буфета.

Дальше все шло по уже знакомой схеме: преподаватель спрашивает, кто готов выступить с презентацией, Ник вызывается и самоуверенным шагом идет к компьютеру, в руке у него поблескивает моя флешка.

Слова вряд ли передадут полученное мной удовольствие при виде взлетевших вверх бровей Ярова, когда он открыл мою презентацию. Она же сейчас отобразилась на экране проектора, что вызвало волну смешков.

Даже интересно, что он будет делать? Скажет, что это какая-то ошибка или что он что-то перепутал?

Ник сверкнул на меня глазами. В ответ я послала милую, но не без ехидства, улыбку. Настала моя очередь наслаждаться его неловкостью.

– Кхм, – прочистил горло он, затем начал читать как ни в чем не бывало: – Для данного задания я выбрал книгу «Философия Смешариков» автора... Аристотеля Сливочного.

Новая волна смешков. Занявший место за первой партой преподаватель, который до этого заполнял какие-то бумаги и мало обращал внимания на отвечающего, тут же поднял глаза.

– Позвольте-ка узнать, почему Ваш выбор остановился на этой книге? – С металлическими нотками в голосе поинтересовался он.

– На мой взгляд, данная книга очень точно описывает концепцию архетипов, – убежденно, без запинки врал Яров.

– Чем же Вас не устроил всем нам известный Карл Густав Юнг? Он довольно подробно раскрывал данную тему.

– Юнг устарел, – с некоторой наглостью заявил парень, – это же попса. Странно, что Вы не знакомы с Аристотелем Сливочным. Его мысли, его идеи стали революцией в мире философии!

Надо признать, он очень даже неплохо выкручивался из ситуации. Мне хотелось злиться на него за это, но сейчас я еле сдерживала смех.

– Что же, – скептически протянул преподаватель, – продолжайте.

– Лер, я даже не знаю, что тебе сказать! – Удивленно прошептала Катя. – Ты не подумала о последствиях?

– Т-с-с! Смотри!

На следующем слайде не было ничего, кроме картинка Копатыча, лежавшего среди бочек с медом. Посмотрим, как Яров будет выкручиваться теперь.

Буквально на секунду на его лице отразилось замешательство, но быстро сменилось обычной уверенностью.

– На данном слайде изображен представитель, которого автор относит к одному из архетипов. Как вы считаете, к какому? – Обратился он к аудитории.

– Шут, – громко заявила я со своего места. – Думаю, автор относит его к архетипу шута.

Несколько секунд мы просто смотрим друг на друга, и, несмотря на мои ожидания, я не вижу в его глазах ни гнева, ни опасности, лишь пляшущих веселых чертят.

– Приятно знать, что в окружении есть люди, так же хорошо разбирающиеся в философии, – сказал он. – К шуту мы вернемся чуть позже, сейчас предлагаю обратиться к следующему слайду.

Здесь я решила усложнить задачу будущему вору своей работы и вставила картинку Папы Свина из «Свинки Пеппы».

– Условно... – помедлил Ник, стараясь не выказывать растерянности, – автор книги делит людей на Смешарики и...

– Все, хватит! – Не вынес преподаватель. – Садитесь! Хотите получить баллы – на следующую пару подготовьте нормальную презентацию. У нас нет времени на... это.

– Очень жаль, что Вы не способны оценить прогрессивных современных мыслителей.

– Блин! – Почти расстроено обратилась я к Кате, – Там дальше шли слайды про Шрека... Зря я что ли старалась?

Подруга в ответ лишь закачала головой, молчаливо осуждая мои действия, но от меня все-таки не укрылась мелькнувшая на ее лице тень улыбки.

Ничуть не смущенный, Ник занял свое место. Вскоре я достала другую флешку, прочла оттуда свою нормальную презентацию и получила неплохой балл.

Уходя после звонка, я быстро написала на доске своеобразное послание для еще не успевшего покинуть аудиторию Ярова.

«3:2»

На перемене ко мне подошла Лиза, которая догадывалась, что нестандартная презентация Ника была моих рук делом, и призналась, что это было довольно забавно. К ней присоединилось еще несколько ребят, выразивших свою похвалу хорошей шутке. Игорь тоже не упустил шанса поддакнуть, и сегодня он меня ни капли не раздражал. Мы все шли и беззаботно болтали, когда передо мной вдруг нарисовался Ник. Я настроилась на худшее, но он просто всунул мне в руку мою флешку.

– Должен признать, староста, это был неплохой ход. Жаль, что такое поведение – моя привилегия.

Сказав это, он ушел дальше по коридору, а я лишь усмехнулась:

– Это мы еще посмотрим.

Не знаю, как это объяснить, но после того дня что-то неуловимо изменилось. Я перестала каждое утро строить пугающие предположения по поводу того, какой неприятный сюрприз мог для меня готовить Ник, а если в университете меня все же ждала очередная шутка, направленная на то, чтобы разозлить меня или смутить, я не чувствовала прежней неловкости перед всем потоком. Я знала, что обязательно отвечу на каждый его выпад, и мой ход будет ничуть не хуже, чем его.

Это превратилось в своеобразную игру. Не совсем дружескую, но и вражеской ее назвать теперь было тяжело. Почти каждый день мы соревновались в том, кто кого быстрее и сильнее выбесит. Однокурсники с живым интересом наблюдали за нашей странной игрой.

Так, после моего трюка с презентацией он добавил мне в кофе какое-то невероятное количество красного перца. Когда я посреди пары решила глотнуть ароматного напитка, через секунду пришлось все выплеснуть изо рта прямо на глазах у всего курса и Драконихи. От перца я вся покраснела, часто задыхалась, удерживаясь, чтобы не высунуть язык, как собака в летнюю жару. Елена Юрьевна после этого строго настроила запретить приносить что-либо, кроме воды в аудиторию, а я оставшуюся часть пары провела в туалете, отмывая блузку, что, кстати, так и не удалось сделать.

– Надеюсь, ты готов заплатить за испорченные вещи! – Поймав Ника на перемене, возмутилась я.

– Знаю, для тебя это может стать шоком, но существуют такие штуки... Их называют стиральными машинами, так вот, они...

– Это может не отстираться, умник! – Перебила я.

Его лицо приняло подозрительно хитрое выражение.

– Давай я отнесу в химчистку.

– И в чем же подвох? – Изогнула бровь я, складывая руки на груди.

Он картинно пожал плечами:

– Ни в чем. Снимай ее и получишь завтра, чистую и пахнущую альпийским лугом.

– Очень смешно. Я думала, у тебя получше с чувством юмора.

Ник облокотился рукой о стену и игриво спросил:

– Так тебе кажется, что у меня хорошее чувство юмора?

Я закатила глаза.

– Я не буду снимать блузку сейчас. Но если она не отстирается, учти, ты лично оплатишь химчистку.

Говоря, я ткнула пальцем ему в грудь для убедительности, но он перехватил мое запястье и наклонился ближе, так что я могла чувствовать исходящий от него запах горького одеколона, мешающегося с нотками табака.

– Ну конечно, дорогая.

Дома мама все допытывалась, как же я так умудрилась запачкаться. Когда блузка так и не отстиралась до конца, я на следующий же день подошла к парте Ярова и села рядом с ним.

– Какие планы на вечер? – Без обиняков спросила я.

– Хочешь, чтобы я составил тебе компанию в этой осенний одинокий вечер?

– Хочу, чтобы ты сходил в химчистку, – заявила я, вручила блузку немного растерянному Нику и была такова.

Я, конечно, понимала, что это может вылиться в очередную шутку, но интерес пересилил доводы разума. Несложно представить мое изумление, когда он подошел ко мне в коридоре и отдал чистойшю, кипельно белую блузку, аккуратно сложенную в пакет. Я недоверчиво посмотрела на него. Достала многострадальную вещь из пакета и тут же бросила ее обратно. От нее несло чем-то отвратительно-тошнотворным.

– Это явно не альпийские луга!

– Нет. Никак не вспомню, как назывался этот аромат. – Ник достал из сумки небольшой коричневый флакончик с нарисованной на нем муляжной какашкой. – Ах, да, «Stinky ass»¹. Тебе что, не нравится?

Недолго думая, я выхватила флакончик из его рук и, подобно пистолету, направила на него.

– Извинись, – приказала я, не скрывая возникшего в голосе веселья.

– Ты не сделаешь этого, – с опаской проговорил Яров.

Он попытался отнять у меня бутылек, но я успела спрятать его за спину. Тогда Ник медленно, как крадущийся лев, направился ко мне. Готовая обороняться, я выставила перед собой свое «оружие» и попятилась назад.

– Не подходи, – предупредила я.

Это не помогло. Наоборот, Ник неожиданно начал бежать ко мне, и у меня не осталось иного выбора, кроме как тоже убежать.

Коридор. Перед глазами мелькают одинаковые двери аудиторий и все еще сонные лица студентов. Позади слышатся приближающиеся шаги. Дверь на лестницу. Пролет за пролетом вниз.

До тех пор, пока сильная рука не касается моего плеча, рывком разворачивает и я оказываюсь прижата к стене. Руки Ника обхватывают мои запястья, мешая пшикнуть в него зловонным спреем.

Но на мгновение, кажущееся бесконечностью, я забываю о спрее и о том, как мы вообще оказались в таком положении. Вглядываюсь в его широко распахнутые глаза цвета зятяну-

того светло-серыми тучами неба за окном. Невольно перевожу взгляд на чувственные губы, на волосы. Некстати возникает недавняя дурацкая мысль о том, какими мягкими они могли бы быть. Снова смотрю в его глаза и понимаю, что он точно так же оглядывает меня. Так, будто видит впервые. Мое сердце пропускает удар, и вдруг становится как-то душно.

Чтобы прогнать возникшее наваждение, с трудом выворачиваю руку, все-таки дотягиваюсь до кнопки на бутылочке и прыскаю в Ника. Его лицо тут же приобретает иное выражение, челюсти плотно сжимаются.

– Ты пожалеешь, – тихо говорит он и тянет руки за бутылком.

– Да ну? – Дразню я и снова брызгаю.

Запах стоит невыносимый, но сейчас мне все равно. Я распыляю вонючую жидкость снова и снова, пока длинные пальцы Ника не оказываются на моем теле и не начинают безжалостно щекотать. Не в силах ничего с собой поделаться, я начинаю безудержно хохотать, извиваться и отбиваться.

– Это нечестно! – Давясь смехом, пишу я.

Парень не реагирует и, понимая выигрышность избранной методики, начинает щекотать еще сильнее. Его руки опускаются от ребер до талии, перемещаются на живот.

– Стой! – Кое-как выдавливаю я. – Ник, прекрати!

От смеха начинают слезиться глаза.

– Никита!

От звука своего полного имени он резко останавливается и немного удивленно смотрит на меня. Отчего-то, назвав его так, я тоже чувствую себя как-то странно и ощущаю, как к щекам приливает кровь.

Мы стоим в тишине, как будто оба только что проснулись и вдруг обнаружили себя на пустующем лестничном пролете. Ни одного звука, только доносящийся откуда-то монотонный голос преподавательницы с чьей-то лекции.

– Кажется, пара началась, – зачем-то говорю я.

– Мне с таким запахом благодаря тебе теперь надо избегать людей во что бы то ни стало. Так что, мне на пару путь заказан.

– Готова поспорить, ты не очень-то и хотел туда попасть. – Тихо отвечаю я, но в пустоте лестницы мой голос звучит слишком громко и отдается эхом.

На Ника стараюсь не смотреть и вместо этого изучаю стыки между плитками кафеля.

Снова между нами повисает молчание. Оказывается, я все еще сжимаю в руке флакончик со спреем. Неожиданно для себя решаю протянуть руку и добровольно отдать его Нику. Почему-то я уверена, что сейчас он не будет в меня брызгать.

Он вертит маленько бутылочку в руках и, кажется, собирается что-то сказать, но передумывает и уходит, я же так и стою возле стены.

Вскоре откуда-то сверху с лестницы все же разносится его голос, в который успела вернуться прежняя наглая веселость:

– Кстати, ты до сих пор проигрываешь.

¹ Вонючий зад

Глава 12

Дома вся сегодняшняя одежда, включая принесенную Ником блузку, полетела прямиком в стиральную машину. Пока мы стояли на лестнице в созданной вонищи, вещи просто не могли не пропитаться специфическим запахом, и всю первую пару, вместо того, чтобы извиниться за опоздание и войти, я расхаживала по улице, проветривая одежду. Сейчас запаха не осталось, но стирка все равно не помешает.

– Лер, ты, что ли, кофту стирала? – Нахмурилась мама, увидев на сушилке мою одежду. – Я же два дня назад ее только из стирки достала!

– Она запачкалась, – коротко ответила я.

Мама повернулась ко мне, упирая руки в боки.

– Я не понимаю, как ты умудряешься! Всегда же аккуратной была. То мокрая вся приходишь, то грязная.

– Ну, бывает.

– Ты вообще точно в университет ходишь, а не куда-то еще? Это даже странно, – прищурила глаза мама.

– Мам, куда еще я могу ходить? – Устало выдохнула я.

Она опустила на диван рядом со мной и погладила по руке.

– Ты не думай, что я тебя подозреваю в прогулах или еще в чем... Ты просто какая-то тихая стала в последнее время, все время в себе, ничего мне не рассказываешь. Может, у тебя что-то случилось?

– Нет, я просто не высыпаюсь, – придумывала я находку, – уроки, диплом. Вот и стала невнимательной. Кстати о них, пойду готовиться к семинару.

Я поспешила удалиться к себе в комнату, когда мама кинула вслед:

– Может, ты влюбилась?

– Еще чего не хватало! – Прыснула я и скрылась за дверью.

Откровенно говоря, насчет моего поведения мама была права. Я действительно немного ушла в себя, и мыслями витала где-то далеко. Даже сегодня за ужином вместо поддержания разговора я вспоминала, как выглядит машина Ника и размышляла, где находится ближайший канцелярский магазин.

Для осуществления плана, помимо прочего, мне понадобился дождливый день, и когда таковой настал, я отпросилась пораньше с предпоследней пары, снова оправдавшись делами в деканате. На последние пары, как я заметила, Яров почему-то не ходит, поэтому надо было действовать сейчас, пока он не уехал.

Не обращая внимания на морось, я выбежала на парковку, нашла машину Ника, оглянулась по сторонам и сделала то, что задумала.

Я отошла на другой конец стоянки, чтобы владелец автомобиля меня не заметил. Оставалось только ждать. Минут через пятнадцать Ник вышел на парковку, сел в машину и медленно поехал на выезд, ничего не подозревая. Когда включились дворники, густая ярко-розовая краска, целую баночку которой я незаметно нанесла под них, размазалась по всему лобовому стеклу. Водитель резко остановился, вызвав гул возмущенных сигналов от едущих позади машин.

Мелкий легкий дождик не справлялся с густой гуашью, поэтому Ярову пришлось кое-как отъезжать в сторону, выходить из машины, искать тряпку и приниматься за мытье стекла.

Удовлетворенная тем, что план удался, и я создала Нику хлопоты, вернулась на пару.

Ответ от него не заставил себя долго ждать. На следующий день меня встретила развешенная по всему университету моя фотография из Сочи. Мало того, что на ней я была в купальнике, так еще и лицо мое было абсолютно ужасным – тогда я не заметила приближаю-

щейся волны, и она накрыла меня с головой. Открытый от неожиданности рот, мокрые волосы, облепившие лицо, зажмуренные глаза. Папе ситуация показалась забавной, и он решил запечатлеть момент.

Похоже, смешным это находил не только папа. Весь день я срывала попадавшие по пути фотографии, ловила на себе взгляды окружающих и слушала шутки однокурсников. И когда Яров только успел столько расклеить?!

Идея о том, каким будет мой следующий ход пришла сама собой, когда вокруг Ника в очередной раз собралась группка людей, на этот раз заинтересованных его новеньким айфоном. Нет, я не собираюсь сбрасывать телефон с шестого этажа или топить в грязных лужах. Просто хочу увидеть, как маска самоуверенного спокойствия сползет с его лица.

Это казалось просто: купить самое дешевое защитное стекло, разбить его и наклеить на айфон Ярова, пока тот не видит. С последним пунктом вышло затруднение, ибо далеко не каждый оставит только что купленный телефон без присмотра и уйдет по своим делам, поэтому пришлось импровизировать. Дождавшись, когда Ник отвернется, я схватила с парты смартфон и убежала в коридор. Я уже знала, что догнать меня ему ничего не стоит, но много времени мне и не нужно – достаточно нескольких секунд, чтобы наклеить потрескавшееся стекло.

Как я и ожидала, через несколько секунд Ник появился в коридоре и направился в мою сторону, за ним из-за двери высыпали любопытные однокурсники. Увидев, что я не убегаю, он чуть сощурился. Я напустила на себя виноватый вид и спрятала телефон за спиной.

Не успел он ничего сказать мне, как я жалостливо залепетала:

– Ник, прости, я хотела спрятать... И меня толкнули... В общем, я не хотела, но...

Я протянула ему якобы треснутый айфон экраном вверх. Со стороны двери слышались шепотки. Глаза Ника потемнели, и в них словно блеснул металл.

– Ты издеваешься? – На удивление тихо сказал он, но предчувствие подсказывало: он в шаге от взрыва.

– Я хотела просто пошутить, но так получилось...

– Готова заплатить?

Под мечущим молнии взглядом мне хотелось сжаться, поскорее признаться, что это шутка, но я заставила себя продолжать, раз уж начала.

– Нет, – собрав всю волю в кулак, заявила я, – я не буду платить.

– Если это шутка, – он вырвал телефон у меня из рук, – то очень неудачная.

– И что теперь? Оштрафуешь меня? – Повторила я слова, сказанные им мне в первый же день нашего знакомства.

– Ты. Переходишь. Черту, – ледяным шепотом отчеканил он, четко выговаривая каждое слово. – Очень советую тебе не испытывать мое терпение. Для твоего же блага.

– Для моего блага? Ничего себе, какой ты заботливый.

– Тебе кажется смешным разбивать мой телефон? Если так, то ты еще более долбанутая, чем я.

– А я и не смеюсь. Говорю же, это вышло случайно!

– Может, не стоило вообще брать мой телефон?! – Повысил голос Ник, раздраженный моим показным упрямством.

– Может, не стоило утаскивать мою сумку и кидать среди строительного мусора?! – Выпала я.

– Твоя сумка, позволь заметить, цела.

Я промолчала и изогнула губы в насмешливой улыбке. Яров посмотрел на меня, как на ненормальную, явно не в силах понять, что же у меня сейчас на уме.

– Твой телефон – тоже.

Я дотянулась до его телефона и просто сняла треснутое стекло. Ник перевел взгляд с айфона на меня, на что я лишь пожала плечами.

– Один балл в мою пользу, – промурлыкала я и спокойно пошла в аудиторию мимо наблюдавших однокурсников.

Внутри бушевала радость маленькой победы.

Я его дразнила. Было бессмысленно продолжать скрывать от самой себя, что мне это нравилось. Если поначалу мной руководило чувство справедливости, желание отстоять себя и увидеть его реакцию, когда он осознает, что кто-то осмелился использовать его приемы против него же, то теперь все происходящее приняло иную форму. Форму странной игры, игры с огнем, отталкивающим своей опасностью, но в то же время необъяснимо притягивающим.

И, черт бы побрал этого Ярова, но мне нравилось привлекать его внимание. Нравилось, что только я могу вызвать у него такие эмоции. Нравилось, что он тоже играет со мной и только со мной в эту игру.

Глава 13

Я сбилась со счета. 7:6? 9:9? Учебные дни слились для меня в сплошной обмен колкостями. Небольшие безобидные шутки и глупые розыгрыши, вызывающие негодования подначки и хорошо спланированные выдумки. Кажется, ни я, ни мой противник уже не понимали, зачем продолжаем это нелепое бессмысленное противостояние, но и прекратить первому никому из нас не позволяла гордость. Однокурсники, поначалу заинтересованные в происходящем, уже привыкли к нашим вечным перепалкам, а некоторые и вовсе закатывали глаза, наблюдая за нашим ребячеством. Нам было все равно.

Госпожа Случайность тоже решила не оставаться в стороне и сыграть свою маленькую шутку.

В самую обычную субботу я сидела на последней паре, на предмете по выбору. Преподаватель как раз объяснял огромное задание на следующую неделю, после чего обрадовал всех новостью, что выполняться из-за своего объема оно будет в парах. Нам с Катей, конечно, хотелось бы делать его вместе, но ее поставили с Сашей Семеновым, меня – с Машей Рыбчинской.

– Так, и остается у нас Никита Яров, – преподаватель почесал ручкой за ухом. – И с кем же Вас поставить с Вашим, так сказать, эксцентричным характером, чтобы никто на меня не обиделся?

– Если Вам трудно выбрать, я могу облегчить Ваши муки и просто не делать задание, – любезно подсказал Ник.

– Нет, нет, нет. Так. Ага! Вот как мы сделаем. Лера, тебе, как старосте, поручаю самое ответственное и сложное, будешь в паре с Никитой. Мария, а Вы можете присоединиться к любой паре и делать задание втроем.

Мы с Ником тут же пересеклись взглядами. Мое сердце на миг споткнулось.

– Не-е-ет! Ну почему я? – Захныкала я, обращаясь к сидящей рядом подруге.

– Ему, наверно, показалось, что ты единственная, кто справится с Ником, – закатила глаза она.

– Да как я с ним справлюсь? Все закончится тем, что мне придется делать все самой, а он опять получит мои баллы!

– Не делай, значит, – пожала плечами Катя.

– Легко тебе говорить, – расстроено пробурчала я.

Когда прозвенел звонок, я решила, что успею подумать о возникшей ситуации потом, а сейчас можно хотя бы на время откинуть все мысли и насладиться начавшимися выходными. Однако забыть о предстоящем домашнем задании с Ником мне помешал мой новый напарник собственной персоной, преградивший нам с Катей путь.

– Ну что, Зима, к тебе или ко мне? – Нахально улыбнулся парень, затем перевел взгляд на мою подругу, – О, привет, Катя.

– Привет, – буркнула она.

– И многие девушки откликаются на твое не очень заманчивое предложение? – Скептически поинтересовалась я.

– Все.

– Бедняжки, – пробормотала я и взяла Катю за руку, собираясь вместе с ней уйти.

– Неужели, – донесся вслед веселый, с издевательскими нотками, голос Ника, – наша ответственная, рассудительная, умная и исполнительная староста собирается проигнорировать домашнее задание?!

Обернувшись, я увидела, как он приложил руку к сердцу, играя крайнее изумление. Пришлось остановиться.

– Чего я не собираюсь делать, так это пускать тебя к себе домой. Решешь еще шторы поджечь забавы ради или вздумаешь голого Манцева на стенах рисовать.

– Решено, тогдако мне. Там тебе нечего бояться, правда? – Беззаботно сказал он, снова приближаясь к нам с Катей.

Его близость вытеснила из головы все крутившиеся на языке колкости и потенциальные ответы. Да что со мной не так?! Увидев, что я ничего не отвечаю, Ник склонил голову чуть набок и вскинул брови, ожидая, пока я начну спорить – знал ведь, что я не могла так просто согласиться.

Наконец, я заставила свой мозг работать, а рот – произносить звуки:

– Библиотека. Там есть компьютеры.

– Я должен был догадаться, что ты предложишь нечто настолько скучное.

– Слушай, ты что, серьезно собираешься делать со мной это задание? – Лично мне это до сих пор казалось маловероятным. – Если так, то встретимся в библиотеке в понедельник.

– Есть, сэр. Буду ждать с нетерпением, – подмигнул он и, обогнав нас с Катей, ушел.

И что творится в голове у этого человека?

– Странно как-то, – размышляла я вслух. – С чего это вдруг он вздумал выполнять это проклятое задание? Я думала, он просто свалит все на меня.

– Наверно, опять хочет тебе какую-нибудь гадость приготовить, – спокойно ответила Катя.

– Не нравится мне теряться в догадках и не знать, чего ожидать!

– Мне кажется, тебе легче было бы все же одной все сделать.

– Может быть, – туманно произнесла я.

Мне не хотелось говорить подруге, что в глубине души, в той ее части, которая пугает даже меня саму, от мысли о понедельнике что-то внутри замирало.

Все воскресенье я раздражалась на себя, на свою беспричинную нервозность и на свои мысли о Нике. Я не могла перестать думать, предполагать и пытаться предугадать, что же будет в понедельник, как он будет себя вести, что попытается сделать. А как мне себя вести?

Готова поспорить, он-то сейчас чувствует себя абсолютно спокойно и даже, возможно, успел забыть о совместном задании. Наверно, веселится где-нибудь с друзьями или проводит время с девушкой. Интересно, а есть ли у Ника девушка? Хотя о чем это я? Такому, как он, вряд ли нужны отношения, длящиеся дольше одной ночи.

Я накрыла голову подушкой, словно это могло заглушить рой ненужных мыслей в голове.

Сказать, что в понедельник не хотелось идти на учебу – это ничего не сказать. Меня преследовало ощущение, что мне предстоит отвечать на зачете, о котором я почему-то забыла.

Последняя пара приближалась медленно, но неумолимо, а вместе с ней – и поход в библиотеку. «Ну и что? Подумаешь, схожу, сделаю задание и забуду, ничего такого, из-за чего стоило бы волноваться». – Твердила я себе.

Это мало помогло, потому что как только прозвенел звонок с пары, мне захотелось просто побыстрее уйти домой и надеяться, что Ник забыл о предстоящей совместной работе. Я ведь и сама могу ее сделать, даже Катя так же считает.

В очередной раз я мысленно одернула себя. Да что за наваждение такое?! Будто я никогда заданий ни с кем в парах не делала. Заметив Ярова болтающего с однокурсниками, я наспех попрощалась с Катей, выслушала ее пожелание мне удачи и решительным шагом (по крайней мере, я пыталась сделать его решительным) направилась к нему. Увидев меня, он скользнул по мне взглядом, и на его лице тут же отразилась хищная ухмылка.

– А вот и моя напарница.

– Я думала, ты забыл, – чуть хрипло и как-то деревянно ответила я.

– Ни за что, – грудным голосом отчеканил он.

– Жду тебя в библиотеке.

Я собралась по-быстрому покинуть аудиторию, но Яров меня остановил:

– Подожди, я понятия не имею, где эта ваша библиотека находится, – он сделал паузу и с не терпящей возражений интонацией добавил: – дойдем вместе.

– Ну, пошли, – недоверчиво проворчала я.

И мы, плечом к плечу, зашагали по коридору. Некоторые из оставленных позади однокурсников смотрели нам вслед, видимо, ожидая начала перепалки между нами, но ее не последовало. Мы шли молча. Одно дело – постоянно подкалывать и намеренно выводить друг друга из себя, для это и общаться особо не нужно было. Сейчас же мы впервые остались с ним наедине, и, не знаю, как Ник, но лично я не могла придумать, о чём и как можно поговорить, чтобы это не казалось неуместным. Самое странное, что и он ни произнес ни слова. Никаких едких фраз, никакого сарказма.

В настоящий момент я плохо понимала, как можно охарактеризовать наши взаимоотношения. Кто мы друг для друга? Взаимные раздражители?

– Нам на второй этаж, – наконец сказала я, сворачивая к лифтам, когда молчание слишком затянулось.

Пространство лифта показалось мне ужасно тесным и лишенным воздуха. Ник спиной облокотился о зеркало и беззастенчиво меня рассматривал своим острым прожигающим взглядом. Каждой клеточкой тела я чувствовала на себе этот взгляд, но сама не решалась поднять на него глаза и просто теребила брелок на сумке.

– Куда это растерялась твоя вечная дерзкая улыбка, м-м-м? – Вдруг поинтересовался Ник, и в его словах мне послышалось что-то среднее между вызовом и любопытством.

– Берегу для того момента, когда в твоей в сумке абсолютно случайно обнаружится крыса или твоя машина ни с того ни с сего окажется полностью вымазана кетчупом, – пролепетала я, изображая ту самую улыбку.

– Кетчупом? Хм, пожалуй, возьму эту идею себе на заметку.

– Какая досада, что у меня нет машины!

– Зато есть сумка, в которой может оказаться крыса, – усмехнулся он, когда мы выходили из лифта.

Я снова нахмурилась и бросила на него угрюмый взгляд.

– Не вздумай.

Библиотека у нас была довольно большой и современной – здесь только недавно сделали ремонт, поставили большие столы и новые компьютеры, так что в отличие от прежних времен теперь она не пустовала. Мы с Ником нашли свободный компьютер возле окошка, он подтащил к столу второй стул и с комфортом на нем развалился. Я достала тетрадь, где были расписаны все вопросы, которые мы должны осветить в домашнем задании.

– Так, мы можем сделать это в виде презентации или доклада. – Начала я, понимая, что если кому-то и брать ответственность на себя, так это мне. – Предлагаю в виде...

– Презентации, – перебил Ник.

– Тогда...

– Я вставлю картинки, а ты... Ну, что там еще останется.

Я стиснула зубы, чтобы не дать возникшему желанию выпалить что-нибудь резкое взять верх.

– То есть на мне – все остальное, да?

– Ага.

– Мне кажется, или пахнет откровенной наглостью?

Ник откинулся на спинку кресла и вытянул ноги, всей своей позой излучая расслабленность и пофигизм.

– Насколько я помню, у тебя великолепно получаются презентации, – он наградил меня многозначительным взглядом, припоминая подготовленную для него презентацию про Смешариков. – Я ведь раздолбай, нельзя поручать мне серьезные вещи.

Я умолчала про то, что по письменным работам у него всегда были неплохие баллы. Вряд ли это помогло бы быстрее закончить наш спор, поэтому я сразу перешла к сути:

– Скажи, зачем ты вообще сюда пришел?

Он пожал плечами и изобразил задумчивость.

– Возможно, чтобы позлить тебя.

Я громко вздохнула от собственного бессилия. Ну почему он не может просто быть нормальным?

– Хорошо. Тогда я не буду ничего делать. – Как могла, сдержанно произнесла я и сложила руки на груди.

– Да как хочешь. Мне-то вообще все равно, я не боюсь и вылететь отсюда.

Так мы и сидели, отвернувшись друг от друга, с включенным компьютером, не говоря больше ни слова, но и не собираясь уходить. Как будто ждали, что презентация чудесным образом сделается сама собой.

Когда демонстративное молчание затянулось, краем глаза я стала рассматривать татуировку на запястье Ника. Раньше мы почти не находились рядом друг с другом, и только сейчас я могла позволить себе наконец изучить ее повнимательнее. Это была маленькая копия какой-то картины, кажущейся смутно знакомой. Что-то из экспрессионизма? Это было цветное, с преобладанием темных тонов, изображение, на нем, подперев голову рукой, сидел ужасно грустный, задумчивый человек.

Глядя на татуировку, я испытала чувство, очень напоминавшее то, которое возникло, когда я увидела рисунки Ника. Как будто ощущала некий диссонанс. Его показная придурочность и легкомысленность никак не вязалась с его любовью к искусству, печальным картинам и смыслу, скрываемому в них. Тут же в памяти всплыл тот день, когда я увидела Ярова в коридоре в окружении смеющихся однокурсников и его отсутствующий взгляд, словно все эти люди, все это веселье ему донельзя осточертели.

Догадка, на самом деле возникшая у меня еще давно, теперь прочно укоренилась в моей голове. Где-то там, под слоем развязности и наглого безразличия скрывалось что-то большее. Душа, в которой таилось нечто темное и глубокое. Нечто, что заставляло своего хозяина держать это в железной клетке из фальшивых эмоций и нравившегося всем веселья.

Из-за этого осознания я вдруг почувствовала близость Ника ярко и отчетливо. Украдкой я смотрела на его сильные руки с вздымающимися на них венами, на изящные длинные пальцы, перевела взгляд на напряженные скулы, густые темные волосы и такие же темные ресницы, на пухлые губы.

Как странно. А ведь я совершенно ничего не знаю об этом человеке.

Как будто почувствовав, что на него смотрят, Ник повернулся ко мне, но я успела быстро обратить взор к окну, стараясь при этом не краснеть. Возможно, он думал, что я не замечаю, а может, ему просто было все равно, но теперь он стал скользить по мне внимательным взглядом. Яров задержался на моем лице, и мне показалось, что сейчас он выдаст одну из своих колкостей, но он лишь отвернулся, достал из сумки сигареты и, как ни в чем не бывало, закурил.

Я сдержала возникший порыв начать бубнить и ругаться. Пусть не думает, что меня так легко вывести из себя. Стойка библиотекаря находилась далеко от нас, так что никто не мог сделать замечание, лишь разговоры студентов за спиной, в которых теперь слышались возмущенные и удивленные нотки, стали громче. Когда резкий запах табака окружил меня плотным облаком, засел в носу и пропитал волосы, я все же не выдержала и недовольно выдавила:

– Обязательно курить сейчас?

– Нет, но мне так хочется, – даже не поворачиваясь ко мне, сказал Ник и продолжил выдыхать едкий дым

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.